

The book cover features a central illustration of historical figures: Cleopatra, Napoleon Bonaparte, a woman in a pink dress, a woman in a green dress, and a man in a turban. In the foreground, a large portrait of Karl Marx is shown. In the top right corner, there is a small inset portrait of Natalia Basovskaya. The background has a subtle circular pattern.

Наталья Басовская



**ОТ КЛЕОПАТРЫ
ДО КАРЛА МАРКСА**

Самые захватывающие
истории
поражений
и побед
великих людей

Лица. Эпизоды. Факты

Наталья Ивановна Басовская
От Клеопатры до Карла
Маркса. Самые захватывающие
истории поражений и
побед великих людей
Серия «Лица. Эпизоды. Факты»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8006703

Басовская Н. И. От Клеопатры до Карла Маркса. Самые захватывающие истории поражений и побед великих людей: АСТ;

Москва; 2014

ISBN 978-5-17-086166-8

Аннотация

Перед вами сборник самых лучших, самых неожиданных рассказов о знаменитых героях и антигероях мировой истории от Натальи Басовской, чьи передачи уже который год быют все рейтинги на радиостанции «Эхо Москвы». Если вы хотите полюбить историю – эта книга для вас, если уже любите – тем более!

Содержание

Древний мир	5
Эхнатон. Фараон-вероотступник	5
Ганнибал. Верность клятве	21
Спартак. Вечный символ	37
Царица Клеопатра. Конец эпохи эллинизма	51
Цинь Шихуанди. Первый император Китая	77
Средние века	91
Алиенора Аквитанская. Бабушка средневековой Европы	91
Авиценна. Целитель, мудрец, странник	107
Чингисхан. Безжалостный завоеватель мира	121
Начало кровавой дороги	121
Океан зла	132
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Наталья Басовская
От Клеопатры до
Карла Маркса. Самые
захватывающие
истории поражений и
побед великих людей

© Басовская Н. И., 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Древний мир

Эхнатон. Фараон-вероотступник

Эхнатон – фараон-загадка, фараон-легенда. Реформатор, еретик. Еще бы! Замахнулся на святая святых – религию! Бесстрашно вознамерился изменить ритуал. Даже сегодня, когда перемены сыплются как из рога изобилия, мы понимаем, что это был за поступок. И потому со времени появления египтологии ученые без устали спорят об Эхнатоне и не могут прийти к единому мнению.

Два года тому назад испанская газета «Эль Пайс» опубликовала огромную статью, которая называлась «Эхнатон – деспотичный фараон-еретик, предтеча Сталина». Новые открытия, говорилось в ней, ставят Эхнатона, считавшегося прежде неким мистическим пацифистом, на одну ступень с такими преступниками, как Гитлер и Сталин. Со Сталиным сравнил его известный британский историк-египтолог Николас Ривс, написавший в 2001 году книгу «Эхнатон – ложный пророк Египта». Но есть и другая крайность. Так, другой известный египтолог Артур Вейгалл, идеализируя Эхнатона, пишет следующее: «Уже 3000 лет он дает нам пример того, каким должен быть супруг, отец, честный человек. Он показал, что должен чувствовать поэт, в чем наставлять про-

поведник, чего добиваться художник, во что должен верить ученый и что должен думать философ».

А вот полярная оценка его деяний: «Увы, его собственная жизнь доказала, до какой степени его принципы были нежизненны». И это естественно – слишком велика, экстраординарна фигура! На самом деле споры вокруг Эхнатона будут продолжаться еще и потому, что с его именем связаны серьезнейшие и многолетние археологические изыскания, раскопки, расшифровка текстов. Появляются новые данные, возникают оттенки в воззрениях и суждениях – так или иначе фигура Эхнатона – одна из главных, наиболее привлекательных и значительных в египтологии.

Сразу после смерти Эхнатона преемники вычеркнули его имя из списка фараонов – еретику не место среди правителей страны! Он был тайно похоронен, место его захоронения неизвестно до сих пор. Но поистине «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется». Чем ожесточеннее были попытки вытравить память о нем, тем более значимым и нужным становился он для истории. Результат оказался прямо противоположным. Мало о ком мы знаем сегодня так много, как об этом «еретике».

Его имя при рождении было Аменхотеп IV, он был преемником великого правителя Аменхотепа III, пробывшего более 60 лет на престоле. Эхнатоном он стал при проведении своей знаменитой религиозной реформы.

Это была середина XIV века до н. э. Подумать только!

Прошло столько времени, но и сегодня эта фигура волнует воображение людей. Почему? Больше трех тысяч лет назад Эхнатон попытался совершить духовный и политический переворот в великой, можно даже сказать мировой державе того времени. Египет, достигший в те времена пределов Евфрата на севере и четвертого порога Нила на юге, захвативший Сирию, Палестину, Нубию, то есть расположившийся на двух континентах, был громадным образованием, которое удерживать тогдашними силами было очень трудно. Одной из главных проблем Эхнатона было сохранить это великое сооружение. Но как это сделать? Возможно, он видел выход в реформе, которую совершил. Поклонение диску Солнца, единому богу Атону, быть может, виделось ему актом единения, сплочения народа, актом укрепления и усиления государства?

Однако известно, что нет ничего более стабильного и консервативного, чем религиозные воззрения, которые коренятся в самых глубинных пластах сознания. Человек может принять другую религию под влиянием обстоятельств или собственных внутренних убеждений – народы отказываются от нее только в результате завоеваний, но тогда перестают быть теми, кем были раньше. После крещения Руси славяне еще столетия оставались язычниками. Самые кровавые и жестокие войны, как известно, – религиозные, люди идут на смерть, но не могут принять новую религию, ибо отказ от своих богов – грех самый страшный, страшнее смерти.

И все-таки поначалу казалось, что ему удалось невозможное. В стране введен новый официальный культ. Построена новая столица, город Ахетатон (на месте, где потом возникнет арабская деревня Тель-Амарна). В Египте происходит подлинный переворот в изобразительном искусстве. Спустя многие столетия, в Новое время, возникнет термин «Амарнское искусство», которым обозначили эпоху высочайшего взлета культуры Древнего Востока. Чего стоит знаменитый скульптурный портрет жены Эхнатона, царицы Нефертити! Несколько вариантов ее изображений хранятся в лучших музеях мира, самое прекрасное из известных мне находится в берлинском Египетском музее. Нефертити – жена Эхнатона, ее имя переводится как «Прекрасная пришла». И действительно пришла – пришла на тысячи лет. Искусство обращается к Аристотелеву принципу подражания природе. Если Нефертити действительно красива, передадим ее человеческую красоту, а не только ее высокое положение. Если дочери Эхнатона действительно худенькие, хрупкие, с очень тоненькими ручками – их такими и изображали.

Итак, Аменхотеп IV был десятым фараоном знаменитой XVIII династии. Ее родоначальником являлся Яхмос I, победитель гиксосов, которые на 130 лет повергли мощно расцветший Египет Среднего царства в хаос и тьму. Яхмос с ними покончил, Египет еще более укрепился, и главным городом стали Фивы. Все преемники Яхмоса – Аменхотеп I, Тутмос I, Тутмос II, его вдова Хатшепсут и знаменитый

завоеватель Тутмос III, при котором Египет и обрел свои окончательные границы, – все они почитали город Фивы как центр возрождения Египта, центр освободительного движения против завоевателей.

В итоге фиванские жрецы владеют немислимыми богатствами, которые им везут отовсюду. В одной из книг я даже прочитала, что при Аменхотепе III жрецы получили четырнадцать тонн золота. Эту цифру нельзя воспринимать буквально, но она говорит о том, что они были самыми влиятельными людьми в государстве. Считалось, что именно жрецы своими действительными молитвами богу Амону, солнечному божеству, укрепляли могущество Египта. Реформа Эхнатона не подрывала представление о Солнце как о божестве, Эхнатон предложил лишь поклоняться не изображению, а самому диску, непосредственно природе. Но даже это испугало жрецов.

У Аменхотепа III было много жен, среди них были не только египтянки – ведь проблемы многоженства тогда просто не существовало. Тейя, видимо, любимая жена Аменхотепа III, стала матерью будущего еретика. Мы почти ничего не знаем о его детстве. Однако – поразительная удача – нам известно имя его учителя!

Его звали Аменхотеп сын Хапу. Это был жрец, который дожил примерно до 80 лет – редчайший случай в древности. Склонный к мистическому восприятию жизни, он воспевал солнечный свет и тем явно повлиял на будущего Эхнатона.

Жрец был целителем – на его могилу приходили паломники, спустя не один век после его смерти говорили, что там происходят чудесные исцеления. Вот такой учитель был у маленького сына царя. И это важно. Именно в детстве образуется та глубинная корневая система, которая прорастает в зрелости, давая густую крону. Перефразируя известные слова, можно сказать: «Скажи мне, кто твой учитель, и я скажу тебе, кто ты». Известный французский исследователь и писатель Кристиан написал в 1990-х годах книгу «Египет великих фараонов». Вот в каком патетическом тоне он писал об учителе Эхнатона: «Его имя переживет века, в то время как имена его современников забудут. Его наследники – не памятники и не дети, а книги, знания, которые он записал. . . Магическая сила его писаний дойдет до читающего и наставит его на путь истинный». При Аменхотепе III жрец стал видным вельможей и, наконец, учителем будущего фараона. Известно, что он был еще и зодчим – тогда, в древности, было в порядке вещей такое разнообразие талантов и занятий.

Эхнатон (тогда еще Аменхотеп IV) стал правителем примерно в 15 лет. Сверх меры одаренный, он начинает жить и действовать не так, как принято. В первые годы своего правления он приказал построить в Фивах, в той самой традиционной столице, храм Атона, своего будущего божества. Вокруг храма разместили примерно сто изображений Аменхотепа, кое-какие из них сохранились, и все они были выполнены не по канону. На них Аменхотеп IV не колосс, не камен-

ный идол, пугающий людей, как это было принято во времена ранней XVIII династии и тем более в эпоху Среднего царства. Это обычный человек, не атлет, телосложение его несовершенно: довольно узкие плечи, впалая грудь. Он напоминает интеллектуала – у него лоб мыслителя и, кроме того, подчеркнута вытянутый назад череп. Необычную форму черепа наследовали и его дочери. Об этом много говорили и спорили. Есть версия, что это наследственная болезнь. Дело в том, что правители Древнего Египта выходили замуж и женились на своих близких родственниках. Кровосмешение могло привести к генетическим сбоям. Но все-таки окончательного вывода никто не сделал. Может быть, таков был художественный стиль или особенность приема мастера, отступившего от канонов.

Имя Аменхотеп расшифровывается как «Живущий правдой». Уже после постройки храма Атона жрецы явно забеспокоились – почему вдруг солнечному диску ставится храм, а не тому великому божеству Амону, которому Египет обязан своим процветанием? А это были только первые зарницы будущей революции.

На шестом году своего правления фараон принимает немыслимое решение покинуть столицу Фивы и сменить свое имя (а ведь имя фараона – это имя живого бога). Эхнатон (отныне это его имя, оно означает «Угодный Атону») берет с собой несколько тысяч людей, в том числе зодчих, ремесленников, каменотесов, и отправляется примерно за че-

тыреста километров на север от Фив. И там, на восточном берегу Нила, он строит новую столицу, которую назвал Ахехатон – «Горизонт Атона». Как в XIX веке об этой столице стало известно археологам, отдельная история. Правда, рассказывают ее по-разному. Одни пишут, что некая египтянка полоскала белье в Ниле и нашла табличку, на которой увидела какие-то черточки. Зная, что белые люди покупают такие таблички, она продала ее. Черточки оказались клинописью. На табличке на арамейском языке был записан текст международного договора между правителем Египта и хеттским царем.

Существует другой рассказ, еще более экзотичный. Женщина действительно полоскала белье, а кто-то из археологов или путешествующих белых туристов обратился к ней с вопросом. Ей чем-то не понравился «франк», так местные называли белых путешественников, и она швырнула в него табличкой. Ничего себе!

В 90-х годах XIX века начались раскопки. Особо нужно отметить старания английского археолога Питри, который посвятил поискам многие годы. И наконец удача. Найдена та новая столица, которая была построена согласно воле и приказу фараона-отступника Аменхотепа IV. Она, как чудо в пустыне, как мираж, выросла стремительно, как по волшебству... и оказалась через тысячи лет раем для археологов. Потому что сразу после смерти Эхнатона был приказ жрецов Амона покинуть этот город, оставить его навсегда.

В одной из надписей, сохранившихся в Ахетатоне, фараон утверждает, что само Солнце своим лучом указало ему место для новой столицы. Город был гармоничный и красивый, но жизнь его была недолгой – пески сделали свое дело, они засыпали его, превратив в некрополь. И надолго, на тысячелетия законсервировали его. Это было отмщение. Вы хотели вычеркнуть его насовсем, вы много сделали для этого, господа фиванские жрецы, но не думая, не предугадывая, вы донесли до нас невиданный объем информации именно об этом городе и о причине ненависти к нему.

Столицу, основанную по велению самого Солнца, Эхнатон поклялся никогда не покидать. Клятву свою он выполнил: он прожил в ней до конца своей жизни, более 10 лет. Там были сооружены прекрасные дворцы, созданы великолепные парки, построены загородные виллы. Жизнь была ключом, на большой рыночной площади кипела торговля – возник богатый, живой, активно живущий город. Именно в нем при раскопках помещения, которое, по-видимому, было мастерской скульптора по имени Тутмос, была найдена всемирно известная скульптура царицы Нефертити. Мастерская Тутмоса была разрушена, некоторые работы – разбиты, а Нефертити уцелела. Она лежала на земле лицом вниз. Возможно, скульптор, догадываясь, что сотворил чудо, положил ее так в надежде, что спасет ее.

Судя по изображениям и текстам, отношения Эхнатона и Нефертити поначалу были безупречными, даже идеальными.

ми – может быть, сознательно идеализируемыми. Сохранилось много барельефов с трогательными семейными сценами, что было нетипично для изображений фараонов. Во времена Среднего царства это были колоссы, холодные, с каменными лицами. А Эхнатон сидит на троне, у него на коленях – Нефертити, которая держит дочь. На другом барельефе Эхнатон нежно целует одну из шести дочерей. Все это прежде было совершенно невозможно в древнеегипетском искусстве. Это уже ересь, которая, как это часто бывает, дала замечательные плоды, новация, которую встречают в штыки, а потом тысячами восхищаются.

Эхнатон и Нефертити жили, видимо, безупречно хорошо. Ежедневно с восходом солнца начиналось богослужение, таково было строгое правило. Ни на одном изображении мы не увидели Эхнатона карающего, кого-нибудь вешающего, кого-нибудь бичующего. У прежних фараонов это было. А он – на колеснице с Нефертити, с детьми, и везде его сопровождает солнце... Солнечный диск изображался как диск с длинными лучами, кончики лучей – это ладони, которые ласково тянутся к людям и ласкают их.

По-видимому, один из мотивов его религиозной реформы, наивный и философский, – это попытка сблизить те народы, которые Египет покорил. Наивно, но приведем в переводе Бориса Александровича Тураева, нашего замечательного востоковеда, гимн Атону, солнечному диску, который приписывается самому фараону: «В единстве своем нераз-

дельном ты сотворил всех людей, всех зверей, всех домашних животных, все, что ступает ногами по тверди земной, все, что на крыльях парит в Поднебесье. В Палестине и Сирии, в Нубии золотоносной, в Египте тобой предначертано каждому смертному место его. Ты утоляешь потребности и нужды людей, каждому пищу своя, каждого дни сочтены. Их наречья различны, своеобразны обличья и нравы, и стать, цветом кожи не схожи они. Ибо ты отличаешь страну от страны и народ от народа». Это находится в явном противоречии с идеологией Древнего Египта эпохи Среднего царства. За 200 лет до Эхнатона Египет превратился в крупную державу. Именно тогда возник, можно сказать, правда, с некоторой оговоркой, египетский шовинизм. Только египтяне фигурируют в надписях того времени, только Египет, который называют «страной людей», представляет для них интерес. За пределами Египта – «страна песка», «презренная страна Куш», наконец, «страна золота» – золотоносная Нубия. Во времена Аменемхетов, Сети, целых династий фараонов Египет попирает мощной своей дланью и сильным войском все другие народы. И народы эти ценятся мало. В громадной для своего времени державе обеспечить спокойствие границ было трудно, почти невозможно, народы на окраинах – это скорее вассалы, которые платят дань египетскому фараону, боятся его власти, его силы. Как их объединить?

И Эхнатон отступает от привычных идей. Шовинизм – это самое простое оружие. Во все эпохи эта примитивная идео-

логия – самая популярная. Эхнатон избирает непопулярную. Вот эти солнечные лучи, видишь их? Они ласкают всех, люди могут быть разного цвета кожи, но все они должны жить вместе.

Но понравилось ли это его соплеменникам? Огромной части – нет. На кого же он все-таки опирался? Он нашел опору в служилой знати. Во все времена рано или поздно появляются такие люди – не аристократы, а люди, выдвинувшиеся по службе. В этом Эхнатона можно сравнить с Петром I. Эта новая знать, которая имела очень выразительное название – «немху», что значит «сироты», рассуждала так: «Пусть мы не знатны и нас называют сиротами, но мы богаты и имеем заслуги перед фараоном». Эхнатон окружил себя именно этими людьми. И они, конечно, верой и правдой ему служили. И очень быстро и легко потом изменили.

Есть еще малонаучная, но любопытная версия, объясняющая временный успех реформы Эхнатона. Согласно ей, этому поспособствовали события природные, как сказали бы мы сегодня, серия экологических катастроф, связанных с возможной гибелью острова Санторин (предполагаемой Атлантиды) в Средиземном море. Это в свою очередь вызвало страшные черные бури с сильнейшими ветрами. Солнце скрылось, черные тучи надолго закрыли его. Эхнатон мог объяснить это по-своему: значит, египтяне плохо молились Солнцу, надо молиться лучше, и оно вернется. А ведь даже короткое затмение солнца в древности и в Средние века вы-

зывало чудовищную панику. Людям казалось, что наступил конец света. А поскольку в случае экологической катастрофы затмение могло длиться долго, то вполне возможно, что именно в это время реформа Эхнатона находила сочувствие народа.

Около десяти лет Эхнатон живет в своей новой столице – жизнь кажется безоблачной. Но умерла его вторая дочь по имени Макетатон, ей было 10–12 лет. Это и последующие события были подробно запечатлены в изобразительном искусстве. Барельефы, рельефы, изображения того времени – это как документальный фильм о семье фараона. Вот началась похоронная процессия – хоронят эту девочку, дошли до места захоронения, вот плакальщицы, Эхнатон и Нефертити охвачены горем, они заламывают руки, как обычные земные люди. Почему Атон, которому они молились так много и так усердно, допустил смерть безгрешного ребенка?

Именно после этих похорон что-то происходит между Эхнатоном и Нефертити. Разрыв? Они не живут вместе. Она переезжает в загородный дворец. Благодаря раскопкам, нам очень много известно о ее жизни там – тихой, мирной, довольно замкнутой. У нее был зверинец, куда она собирала редких животных, возможно, они развлекали ее. При ней жил мальчик, возможно, будущий фараон Тутанхамон. Впоследствии он сменит имя и отступит от реформы своего предшественника.

Что-то происходит... У Эхнатона появляется другая же-

на, Кийя, видимо, из простых, возможно, дочь кого-то из его служащих. Она красива. По-другому, чем Нефертити, но красива. Ее изображения сохранились. О ней много писал наш замечательный египтолог Ю.Я. Перепелкин. Между Эхнатонам и его новой женой, видимо, очень страстные, очень близкие отношения. На ее могиле сохранилась эпитафия, которая напоминает мне «Песнь песней» Соломона: «Буду слышать я дыхание сладостное, выходящее из уст твоих, буду видеть я доброту твою ежедневно, таково мое желание. Буду слышать я голос твой, да слышу я голос твой во дворце солнечного камня, когда творишь ты службу отцу твоему, Атону живому. Да будешь ты жить, как Солнце, вековечно, вечно». Едва ли эти слова могли исходить от кого-то, кроме Эхнатона. Нефертити отодвинута на задний план...

Были ли дети у Эхнатона от новой жены? Если были, то кто они? Не является ли Тутанхатон, будущий Тутанхамон, их сыном? Никогда уже, видимо, на эти вопросы не будут найдены ответы. Потому что целое полчище грабителей прошло по гробницам Эхнатона и Кийи. Сам город Ахетатон не был разграблен, а гробницы, которые находились за пределами города, были разрушены и опустошены.

Закат жизни Эхнатона был достаточно грустным. Он разошелся с Нефертити, которая была явно его единомышленницей, реформа шла не очень успешно. Соседние народы, обласканные солнцем, должны были бы примкнуть к Егип-

ту, но восстают против египетского владычества. Непокойно в Миттани, тревожно в Ассирии. На исторической арене появляется загадочный воинственный белокожий народ хетты, который пришел неизвестно откуда и ушел в никуда. Но прежде чем уйти, хетты наносят поражение египтянам.

Конец правления Эхнатона – это начавшийся развал великой империи. Как раз к этому времени относятся изображения Эхнатона с тростью. А ему всего 35 лет. Видимо, он не очень здоров, его фигура очень хрупкая, совсем тонкая. Возможно, его генетическая болезнь заметно прогрессировала. Иногда говорят о водянке мозга, называют и другие болезни, но ни одна версия не доказана, хотя, возможно, они и имеют право на существование.

Египет, эта почти мировая империя начинает трещать по швам. Из-за его реформ в том числе. Реформа не помогла и, может быть, даже навредила. Особенно, как считают специалисты, и думаю, они тысячу раз правы, опасным шагом была отмена культа Осириса. Человек лишился загробной жизни, гарантированной каждому в Древнем Египте, бесконечной, счастливой. Раскопки в Ахетатоне показывают, что в маленьких хижинах, где жили простые люди, хранились, по-видимому тайком, мелкие изображения былых богов и божков. Значит, было сопротивление не только жрецов, которые якобы организовали переворот и чуть ли не отравили и ослепили Эхнатона, – обычные люди не приняли его новшеств.

Замечательная находка была обнаружена в Ахетатоне: вы-

лепленная из глины маленькая колесница, в которую запряжена обезьяна. Ею управляет обезьяна-колесничий, рядом восседает мартышка. Это настолько похоже на карикатуру – выезд Эхнатона и Нефертити на богослужение Атону, – что можно представить, каким сильным было сопротивление его реформе.

Как ушел из жизни этот мятежный правитель, еретик-реформатор, мы не знаем. После него меньше года правил таинственный Сменхкара. Кто он такой, неизвестно. Затем – Тутанхамон, которого сменил чиновник, важный вельможа Эйе. Следующий правитель – некто Хоремхеб, генерал, начальник войск, правивший 27 лет, наложил табу на упоминание имени Эхнатона, вычеркнул из списков фараонов всех своих ближайших предшественников, прямо объявив себя наследником Аменхотепа III. Вот она, типичная попытка фальсификации истории. Он не знал, что будет такая наука археология, которая все поставит на свои места.

Ганнибал. Верность клятве

Ганнибал... Звон и грохот оружия, великие победы, знаменитые боевые слоны... Ганнибал – полководец и государственный деятель Карфагена, государства в Северной Африке, главного соперника Древнего Рима. Рим стал великим, именно победив Карфаген.

Как известно, молва любит в истории победителей и обиженных. Ганнибал причудливо соединяет в своей судьбе и то, и другое.

О нем немало написано. Причем исключительно его врагами римлянами. В Карфагене вообще не очень любили писать исторические сочинения. Там писали в основном счета, реестры, чеки. Это была страна торговли. Презирая жизнеописания, карфагеняне какое-то время даже осуждали греческие традиции письменной истории и запрещали изучать греческий язык.

Так вот о Ганнибале писали римляне, в том числе Тит Ливий и Плиний Младший. Но что изумляет – они отдавали ему должное! Они понимали, что Риму не стоило бы гордиться победой над слабым противником. А вот одолеть Ганнибала – это действительно заслуга!

У такой крупной личности, как Ганнибал, в истории неизбежно появляется мифологический шлейф. Кто не знает вы-

ражения «Аннибалова клятва»? («Аннибалова», ибо в России до революции говорили Аннибал, а не Ганнибал. Как произносили это имя люди древности, в точности неизвестно.) Это сочетание слов означает «твердая решимость бороться до конца, обещание неизменно следовать своим идеалам». А ведь Ганнибал действительно девятилетним мальчиком принес клятву, которую от него потребовал отец, и всегда был ей верен.

Еще он знаменит как гениальный полководец. Современные историки военного искусства отмечают его стратегию, маневры, хитрости, которые он применял, развитость разведки (у него всюду были надежные люди), его личную отвагу. Битва при Каннах, например, до сих пор считается классикой военно-стратегического мышления и поведения. Ее сравнивают даже со Сталинградским сражением в ходе Второй мировой войны.

Сохранилось, наконец, знаменитое выражение «Hannibal ante portas» – «Ганнибал у ворот». Оно снова зазвучало в Риме спустя столетия после Ганнибала, во время Спартакоского восстания. Эта фраза – память о страхе, который вызывал Ганнибал у самой мощной воюющей страны древности.

Карфаген – город-государство, колония людей, которые пришли в свое время из Финикии, с береговой полосы современного Ливана и северо-западной Сирии. Там были некогда их знаменитые города Сидон, Тир (Сур в современном Ливане), Библ (на его месте ливанский Джебейл). Как бился

Александр Македонский, осаждая Тир!

Надо сказать, что Ганнибал родился всего через 76 лет после смерти Александра Македонского. И став военачальником, сравнивал себя с этим великим полководцем. По преданию, он сказал: «Если бы я победил Рим, я был бы выше Александра. А так я все-таки после Александра».

Финикийцы, теснимые соседями, прежде всего ассирийцами, вынуждены были искать, где им пристроиться. Торговцы, прекрасные мореплаватели, они рассеялись по Средиземноморью. Больше всего их привлекали остров Сицилия на юге Италии, тогда еще Риму не принадлежавший, и север Африки.

В Африке выходцы из Тира в IX веке до н. э. основали Карфаген, который со временем стал не колонией Финикии, а самостоятельным городом-государством. Это окраина современного города Туниса – место бывшего Карфагена, стертого римлянами с лица земли. Буквально уничтоженного после Третьей пунической войны.

А Ганнибал – герой Второй пунической войны. (Название «пуническая» связано со словом «пуны» – так называли себя сами жители Карфагена.)

К III веку до н. э. культура Карфагена представляла собой некую смесь наследия Востока и эллинистической Греции. Очень большой город – около 700 тысяч населения, в то время как в Риме проживало менее 300 тысяч. (Рим тогда только выходил в первые державы мира.) Карфаген – торговый

посредник между Востоком и Западом, прежде всего Испанией.

Ганнибал родился в 247 году до н. э. в семье крупного карфагенского военачальника и государственного деятеля по имени Гамилькар Барка. (Барка переводится как «молния».) Семья вела свою родословную от одного из спутников Эллисы, легендарной основательницы Карфагена, со временем обожествленной и принявшей облик богини Тиннит.

Отец очень гордился своими тремя сыновьями. Ганнибал был старшим. Ему дали самое распространенное пуническое имя. Ганнибал переводится как «милостив ко мне Баал». А Баал – бог неба, грозный и страшный.

Детство Ганнибала прошло в Иберии, на территории нынешней Испании, в суровой и дикой стране. Отец все время воевал. Были еще два брата. Гасдрубал, чье имя означает «мне помогает Баал», примет участие в походе Ганнибала в Италию, возглавит войска в Испании и будет убит в бою. Магон – в переводе «дар» – погибнет в Италии много позже.

Кроме того, у Ганнибала три сестры. Муж одной из них, Гасдрубал Красивый, сыграет заметную роль в судьбе зятя.

Существует исторический анекдот. Три мальчика, Ганнибал и братья, играют, резвятся. Отец смотрит на них и говорит: «Вот львята, которых я рощу на погибель Риму».

Что же это за идея погибели Рима, как она возникла? Политическое устройство Карфагена в это время сильно отличалось от римского. Рим, объединив Италию под своей вла-

стью, продвигался в сторону демократизации. Римляне гордились тем, что народ участвует в управлении. Карфаген – строго олигархическое государство. Совет Тридцати – высший орган власти, – самые богатые, самые знатные и, как покажет судьба Ганнибала, самые жадные до власти и денег.

Эта олигархическая республика назначала полководца. А армия, в отличие от римской, здесь была исключительно наемная. Карфаген воевал не за счет своих жителей. Наемниками становились представители разных этносов. У Ганнибала были наемники из Испании, Галлии (будущей Франции), Северной Италии. Все они воевали за деньги, а возглавлял их военный вождь, пользовавшийся большим авторитетом. Таковым был отец Ганнибала, а позже и он сам.

Рим и Карфаген были соперниками. Между ними шла борьба за мировое господство в тогдашнем понимании – за влияние от Пиренейского полуострова до Евфрата, от Скифских степей Северного Причерноморья до песков Сахары. Бились не на жизнь, а на смерть. Первая пуническая война 264–241 годов до н. э. – битва двух морских держав за Сицилию.

Римляне отстояли свои позиции. Карфагенянам пришлось уйти с Сицилии и выплачивать Риму контрибуцию.

Отец Ганнибала сражался мужественно и отчаянно – и все-таки проиграл. После этого он отправился командовать карфагенскими войсками в Испании, сражаться с местными племенами, воинственными, суровыми. Там удалось за-

хватить серебряные рудники, и это помогало военачальнику поддерживать свое войско, хорошо платить наемникам и достигнуть определенного успеха. Но сам Гамилькар Барка рассматривал все это только как подготовку к будущей войне с Римом. Дети полководца постоянно жили в военном лагере, обучались воинскому искусству. Вообще об образовании Ганнибала трудно судить. Видимо, с мальчиком занимались и домашние учителя. Он изучал языки, овладел греческим. По свидетельству его римского биографа Корнелия Непота, он сочинил несколько книг на греческом языке. «Книг» не в современном смысле слова. Книгой называли рукопись, которая умещается на одном свитке.

Детство Ганнибала заканчивается в момент принесения клятвы. Была ли она буквально так обставлена, как описывают источники? Это неизвестно. Но что-то произошло... Через три года после поражения в Первой пунической войне отец привел девятилетнего сына в храм и принес жертву грозному Баалу. Надо сказать, Баал принимал и человеческие жертвоприношения, что решительно отличало культуру Карфагена от культуры Древнего Рима. Римляне этот обычай всегда осуждали.

В Карфагене в жертву часто приносили младенцев, а именно первенцев из знатных семей. Младенцев спускали по желобу, и они падали, как считалось, в геенну огненную. Ганнибалу посчастливилось не оказаться жертвой, но от него потребовали определенной жертвенности. Отец велел ему дать

страшную клятву, смысл которой был в том, чтобы посвятить всю свою жизнь борьбе с Римом. И мальчик поклялся, как пишет один из историков, «ухватившись за рога алтаря» с изображением быка.

Какое впечатление это должно было произвести на ребенка! Он, по счастью оставшийся в живых в младенчестве, держится за рога быка, воплощающего кровожадного Баала, и приносит клятву. Это его личное жертвоприношение.

И вся дальнейшая жизнь посвящена выполнению данного обещания.

В 229 году до н. э., когда Ганнибалу было 18 лет, отец погиб, утонул при переправе в ходе очередных военных действий. Его сменил зять Гасдрубал, а Ганнибал стал командовать при нем конницей.

Это продолжалось недолго: в 221 году до н. э. Гасдрубал пал от руки убийц. И тогда войско избрало, провозгласило двадцатилетнего Ганнибала главнокомандующим. Карфагенский Сенат был не в восторге, считалось, что новый полководец молод, не так велик его опыт... Но войско сказало свое слово столь властно, что Сенат счел за лучшее утвердить эту кандидатуру. Так судьба привела Ганнибала к реальной возможности исполнить свою клятву. Можно сказать, началась его настоящая биография.

О его частной жизни мы почти ничего не знаем. Туманно говорят, что у него была некая жена из Испании. Есть упоминание о его равнодушии к прекрасным пленницам, кото-

рых было в его распоряжении сколько угодно. Поговаривали даже, что на этом основании можно было усомниться в его африканском происхождении. Но он просто жил единственной страстью – искал повод для того, чтобы разразилась война с Римом.

Ганнибал был нарочито дерзок с римскими послами. Не помогло. Римляне решили сделать вид, что ничего не замечают. Тогда он привел войска под стены находившегося под властью Рима города Сагунта на Пиренейском полуострове и восемь месяцев его осаждал. И уже после того, как этот важный для римлян город пал, им ничего не оставалось, как, угрожая войной, потребовать выдать Ганнибала для наказания.

А ему именно этого и надо было. Карфаген отказался выдать своего полководца. Началась война, которая длилась почти 20 лет и получила название Второй пунической.

У римлян был четкий, заранее составленный план. Они собирались вести войну на двух фронтах – в Африке и в Испании.

Но Ганнибал взял и стремительно разрушил все эти штабные планы. Он двинул свое огромное войско, не меньше 80 тысяч человек, в Италию. Это считалось невозможным. На пути были два могучих горных хребта – Пиренеи и Альпы. Кто же может такое придумать – идти туда пешком!

Ганнибал пошел. Он продвигался к Италии с потрясающей быстротой, воодушевляя наемников собственным при-

мером. Тит Ливий пишет о нем: «Он одинаково терпеливо переносил жару и холод. Меру еды и питья он определял природной потребностью, а не удовольствием. Выбирал время для бодрствования и сна, не отличая дня от ночи. Многие часто видели, как он, завернувшись в военный плащ, спал на земле среди воинов, стоявших на постах и караулах. Он далеко опережал всадников и пехотинцев, первым вступал в бой, последним покидал сражение». Он вызывал у воинов уважение своим личным мужеством, железной волей.

Пиренеи Ганнибал преодолел стремительно. И двинулся к Альпам. У него было 37 слонов. Это особенность карфагенского войска – слоны, которых не было у римлян. Поначалу слоны произвели на противника ошеломительное впечатление. Потом римляне успокоились и стали называть их «луканскими быками». А еще позже научились так на них влиять, чтобы испуганные, неуправляемые слоны стали не только бесполезными, но и опасными для тех, кто их использует. А из слонов Ганнибала со временем уцелел только один.

Но пока со слонами неожиданным маршрутом, разрушив римский генеральный план, Ганнибал примерно за 15 дней переходит Альпы и приводит войско в Италию. Далее следует серия сенсационных подвигов, которые и сотворили его великий образ.

Перейдя Альпы, он, образно говоря, свалился на голову римлянам в Северной Италии, в долине реки По.

Армия Ганнибала была в тот момент непобедимой. Но

римляне обладали умением очень быстро учиться, что и позволило им создать мировую державу. В Первой пунической войне они научились воевать на море. Изначально карфагеняне, потомственные мореплаватели, были сильнее в морском бою. Но римляне изобрели абордажные мостики, которые они перебрасывали с корабля на корабль, превращая морской бой в вариацию сухопутного.

Теперь перед ними была мощная карфагенская конница, всегда наносившая решающий удар. Римляне прежде делали ставку на пешее, тяжеловооруженное войско. Но они опять учатся – и победят Ганнибала благодаря сильной коннице.

А пока преимущество на его стороне. В ноябре 218 года до н. э. происходит сражение на реке Тицини (приток реки По). Ганнибал разбивает консула Публия Корнелия Сципиона, отца будущего своего победителя.

В конце декабря 218 года до н. э. – битва на реке Требии, тоже притоке По, и опять победа Ганнибала.

И самая знаменитая, 21 июня 217 года до н. э., – битва при Тразименском озере. Это совершенно потрясающая история, где Ганнибал показал себя великим полководцем.

Он пополнил свою армию восставшими галлами, которые были недовольны римским владычеством. Три дня и четыре ночи армия шла по грудь в воде, по болотам у реки Арно. Отдохнуть можно было только на трупах павших лошадей. Там погибли все слоны, кроме одного. У самого Ганнибала началось некое воспаление в глазу. В итоге он потерял глаз.

Благодаря своему совершенно безумному маневру Ганнибал обошел заготовленные римлянами укрепления. Он обманул бдительность консула Фламиния, который, не ожидая такого, расположил свое войско на более возвышенных местах. Когда Фламиний оказался на тесном пяточке, на него со всех сторон ринулось карфагенское войско. Это было страшное побоище. Сам консул убит. Десятки тысяч людей без пощады уничтожены. Жертвы были с обеих сторон, но римляне понесли значительно больший урон. Это была победа полководца, человека, преодолевшего немыслимые тяготы войны.

Казалось, Рим обречен. Ганнибал двинулся в Апулию – юго-западную часть Италии. Ему требовалось время для восстановления сил войска, для его пополнения, переснаряжения.

Римляне в ужасе избрали диктатора – Квинта Фабия Максима, который вскоре получил прозвище Кунктатор (Медлительный). На самом деле это был разумный человек, который понял, что не надо торопиться лоб в лоб сшибаться с Ганнибалом, правильнее отдельными нападениями, стычками, мелкими сражениями обессиливать страшного врага.

Этим Квинт Фабий Максим напоминает Баркляя де Толли, изматывавшего Наполеона во время Отечественной войны 1812 года. И тоже тактика оказалась достаточно разумной.

Но кунктаторов не любят, считают трусами, чуть ли не предателями. Квинта Фабия Максима отстранили.

А впереди было еще одно страшное поражение римлян – битва при Каннах, в западной части Италии 2 августа 216 года до н. э., самое знаменитое сражение Ганнибала, классика учебников по военной истории. Он построил войско полумесяцем, расположив в центре самых слабых наемников. И добился желаемого результата. Римляне ударили по центру, прорвали, подавили его... и зарылись в глубину его войска. Знаменитый прием – разделение войска соперника на две части, окружение этих частей по отдельности, а затем полное уничтожение. Многие десятки тысяч людей погибли. Римская армия была уничтожена.

Ганнибал не торопился идти на Рим. Он подошел близко, но штурмовать Рим не стал: ждал подкрепления, войска во главе со своим братом Гасдрубалом, которое должно было прийти из Испании. Но по дороге брат был разбит.

В 211 году до н. э. Ганнибал у ворот Рима, в городе тот самый клич: «Hannibal ante portas!» – и настоящая паника. Но он не штурмует. Продолжает маневрировать, потому что не получил подкрепления.

Рим постепенно приходит в себя. Эта великая способность римлян – сохранять мужество, перестраиваться, обучаться. Причем армия Ганнибала – это наемники, Рим же защищают граждане.

Гражданская община ощетинивается для защиты своих интересов. И то самое, что Лев Николаевич Толстой гениально называл духом войска, решающим судьбу сражения,

судьбу войны, здесь было на стороне римлян.

Пока Ганнибал, не дождавшийся подкрепления, маневрирует уже без особого успеха, римляне наносят Карфагену удары в Испании, теснят со всех сторон. Перевес сил уже на стороне Рима.

А хуже всего то, что Ганнибала перестают поддерживать из Карфагена. Позже сам он сформулирует это так: «Не Рим, а карфагенский Сенат победил Ганнибала».

Ему не доставляют должных средств, у него нет такой вольготной финансовой ситуации, которая была в свое время благодаря достижениям его отца в Испании.

У карфагенской знати крепнет опасение, что такой прославленный полководец станет опасным для республики, то есть для власти. Олигархия всегда предпочитает, чтобы все власть имущие были более или менее равны друг другу, чтобы все вместе, единым жадным, корыстным кулаком сжимали страну. А личность, возвышающаяся над ними, их смущает, тревожит.

Они не то чтобы открыто вредят Ганнибалу, но давно не помогают ему. И он ощущает невозможность продолжать наносить такие чувствительные удары, как те, которые он наносил Риму прежде.

К тому же у римлян появляется талантливый командующий – Публий Корнелий Сципион-младший, который получит затем почетное прозвище Африканский. Будущий победитель Ганнибала. И в 204 году до н. э. карфагенский Се-

нат отзывает Ганнибала в Африку на защиту отечества. В общем-то все логично, все правильно. Но ему помешали продолжать войну на территории Италии.

Он прибывает в Африку, настроенный на новые победы. Ему 43 года, а в 202 году до н. э., когда в конце осени состоится битва при Заме, – 44. Это овеянный славой, еще полный сил человек. Но его ждет его единственное крупное поражение. За 20 лет войны Рим многому научился.

После битвы при Заме, которую Ганнибал проиграл, был заключен мир, очень выгодный для Рима. Карфаген лишился права иметь флот, сохранил владения только в Африке, должен был в течение 50 лет платить контрибуцию.

Но Рим выиграл не только это. Он выиграл самого себя как потенциального лидера тогдашнего мира. Научившись воевать с таким соперником, как Ганнибал, мобилизовываться, когда, казалось, все кончено, переносить гибель консулов, потери десятков тысяч людей, преодолев все это, Рим и сделался равным самому себе.

Как ни странно, некоторое время после поражения Ганнибал занимал в Карфагене должность суфета – первого лица, верховного судьи.

Что же он делает на этой должности? Начинает бороться с продажностью тех, кто наживался на войне, кто, вероятно, подыгрывал врагам.

Но очень скоро он получил информацию о том, что власти Карфагена намерены-таки ответить на многолетние тре-

бования римлян и выдать его победителю. В 195 году до н. э. он бежал. Далее последовали 12 лет эмиграции.

Сначала он направился в Сирию, к Антиоху III. Потом он у правителей Армении, затем в Вифинии, у царя Прузия.

И все эти годы он верен клятве. Он не просто спасает свою жизнь, но старается подтолкнуть правителей малазийских и южноевропейских государств к борьбе с Римом. Ганнибал еще рассчитывает создать новую коалицию и вернуться к делу своей жизни. Он даже принимает участие в нескольких не очень значительных, не очень крупных сражениях против Рима, нигде не терпит поражения, но это, конечно, не тот масштаб.

Ему не удастся найти тех, кто рискнул бы поднять знамя борьбы против Рима, за мировое первенство, как некогда Карфаген.

Ганнибалу приписывают слова: «Моя жизнь – неизменное усилие воли к единственной цели». Да, он имел право так сказать. Он мог мысленно отчитаться перед отцом в том, что клятвы, принесенной в детстве, он никогда не нарушил и всегда стремился ее исполнить.

Однако Рим был уже настолько сильнее всех государств, пытавшихся сохранить свою независимость, что Ганнибалу всюду угрожала опасность быть выданным. В очередной раз он получил информацию о том, что Прузий, царь Вифинии – сравнительно небольшого государства в Малой Азии, которое маневрировало между соседними правителями, – Пру-

зий, который долго притворялся другом, готов выдать его римлянам. В 183 году до н. э. яд из перстня прервал жизнь Ганнибала.

Римский политик и оратор Марк Тулий Цицерон говорил: «Сограждане изгнали его, а у нас, мы видим, он, враг наш, прославлен в писаниях и в памяти». Его непримиримые враги сохранили для потомства память о нем.

Спартак. Вечный символ

Имя Спартака каждому известно с детства. Его восстание изучается школьниками в курсе истории Древнего мира. На многие века Спартак остался символом борьбы за свободу, символом прекрасным и героическим. К тому же фигуру предводителя рабов в свое время романтизировали писатели и историки.

На самом деле кажущееся знание о Спартаке значительно мифологизировано, и очень трудно отделить истину от того, что «досочинялось» на протяжении веков.

Почему именно он? Ведь это вовсе не единственный предводитель восстания в мировой истории.

Кто такой Спартак? У него нет даже определенных дат жизни. Вместо них – даты восстания. Начало – 74 или 73 год до н. э., поражение – 71 год. Такая же короткая жизнь в истории, как у Жанны д'Арк. Эти короткие жизни, как кометы, проносятся над человечеством и, видимо, не случайно оставляют такой след.

Итак, биография его приблизительна. Бесспорно, что он был родом из Фракии – это территория нынешней Болгарии. Есть две версии его происхождения. Первая: из царского рода Спартокидов. В V–II веках до н. э. они правили царством, центр которого располагался там, где сейчас находится город

Керчь.

По второй версии, имя Спартак связано с мифологическим народом – спартами. Согласно греческой мифологии, они жили когда-то на территории Северной Греции. Спарты в буквальном переводе – «посеянные». Кем-то когда-то были закопаны в землю зубы дракона. И из них выросли замечательные воины.

Первая версия выглядит более реалистично. Тем более что лучшие воины все-таки происходили не из крестьян, а из высшего сословия. Во всяком случае, в древности. Происхождение из царского рода (что предполагало воспитание, образование) несколько лучше объясняет и те несомненные интеллектуальные способности, которые Спартак продемонстрировал за время своей краткой жизни.

Вот что пишет о нем Плутарх: «Спартак, фракиец, происходивший из племени медов, – человек, не только отличавшийся выдающейся отвагой и физической силой, но по уму и мягкости характера стоявший выше своего положения и вообще более походивший на эллина, чем можно было ожидать от человека его племени». Более высокой оценки, чем «походивший на эллина», грек Плутарх дать не мог. Он подчеркивает этим сравнением, что Спартак был человек выдающийся – и не только в том смысле, что отлично махал мечом. Походил на эллина. Какой комплимент!

Не исключено, что Спартак до того, как стал рабом, воевал против Рима. На чьей стороне? Вероятно, на стороне

понтийского царя Митридата в 80–60-х годах до н. э. Это была тяжелая для Рима война. Участие в ней фракийцев зафиксировано многочисленными документальными источниками. Спартак вполне мог попасть в плен и быть проданным в гладиаторы. Хороших воинов римляне использовали именно так.

По Плутарху, Спартак был женат на своей соплеменнице, жена находилась вместе с ним и тоже бежала из гладиаторской школы. Она, по словам римских авторов, рассказывала о нем такую историю: однажды, когда Спартак спал, на его лице расположилась и уснула змея. Жена, как все женщины той эпохи, претендовала на толкование знамений. Она говорила, что это событие предрекает ее мужу грозную власть и трагический конец.

Несколько более подробная биография Спартака начинается с гладиаторской школы Лентула Батиата в городе Капуе, к югу от Рима, в области Кампания. Капуя – древний город, основанный еще этрусками, по размеру, богатству и значению сравнимый с самим Римом. И там была знаменитая школа гладиаторов. Лентул Батиат продавал их богатым людям. Гладиаторские бои были важной частью повседневной жизни. Рим просто не умел без этого существовать.

В 74 году до н. э. в этой школе возник заговор гладиаторов, участвовало 200 человек. Нет данных о том, что Спартак был его организатором. Он мог оказаться во главе просто как самый сильный воин.

Заговор, как это почти всегда случается, был выдан неким предателем. Внутри школы начали принимать меры и усилили охрану. И тогда 78 человек из 200, состоявших в заговоре, силой вырвались, смяли охрану, промчались по улицам Капуи, вооруженные кухонной утварью: ножами, вертелами, которые успели захватить. Отбили атаку муниципального отряда. Отобрали у них настоящее оружие.

Никто еще не понимал, что за грандиозное событие совершается. Как пишет Аппиан, в Риме с полным презрением отнеслись к сообщению из Капуи о побеге каких-то 78 рабов.

Гладиаторы укрылись от преследователей на горе Везувий. Гора крутая и трудная для подъема. На вершину вела одна тропа, довольно извилистая. Но люди, спасавшие свою жизнь, взлетели по ней сравнительно легко. А стражники, ленивая муниципальная милиция, естественно, отстали. Беглецы обосновались там на какое-то время. Их оставили в покое. Была, видимо, простейшая мысль – сами передохнут. Но они оказались не таковы.

К тому же к ним побежали другие угнетенные. Надо сказать, что I век до н. э. был еще временем классического рабовладения в Риме. В его крайних проявлениях раб – это говорящий инструмент («*instrumentum vocalis*», по выражению Варрона). Такое отношение приводило к отчаянному положению многих людей, а отчаявшиеся способны ухватиться за любую надежду.

И вот лагерь на вершине Везувия стал притягивать недо-

вольных. По данным историков, численность их быстро росла и вскоре достигла 10 тысяч человек. Они превратились в шайку разбойников. Им нужно было питаться, они грабили и наводили ужас на окрестности. Поэтому в Риме в конце концов сочли нужным ими заняться.

В Кампанию был направлен претор Клодий (высокий ранг!) с тремя тысячами человек. Считалось, что этого вполне достаточно, чтобы справиться с любым числом рабов.

Это были пока не легионеры, а охранные войска, но под командованием претора. Клодий счел, что с рабами нечего воевать, узкая тропинка его дезориентировала. Выбрал место, где Везувий со всех сторон неприступен, хорошо перегородил единственную тропу, стал лагерем и начал дожидаться, когда восставшие погибнут без продовольствия.

Но одно из главных личных качеств Спартака, которое отмечает Плутарх, таково – он никогда не сдавался. Он придумал сплести лестницы и канаты из изобильно произраставшего на Везувии дикого винограда. Темной ночью, когда в стане Клодия царила полная беспечность: кто спал, кто развлекался, – они спустились прямо на лагерь, прихватив с собой награбленное к тому моменту оружие. И просто уничтожили отряд Клодия. Лагерь был совершенно разгромлен. Римляне побежали! Это было невероятное и позорное событие. Спартак сделался могущественен и страшен.

Тогда Рим направил в Кампанию другого претора, Вариния, с требованием быстро проучить рабов. Состоялся бой,

советник Вариния, Касиний, едва не попал в плен. Его конь достался лично Спартаку. Саллюстий пишет, что римляне были потрясены, появились случаи дезертирства.

А Спартак в это время строит войско. Под его контролем вся Южная Италия. Теперь он принимает не всех, кто к нему бежит, а лишь тех, кто будет воевать. Его войско стало огромным, причем это была уже не просто толпа рабов.

В 72 году до н. э. он направляется на север. У всех простейшая мысль – на Рим!

В Риме началась паника. Припомнили даже старую фразу, III века до н. э., времен Ганнибала, – «Hannibal ante portas» («Ганнибал у ворот»). Похоже по духу на морской клич: «Полундра!» Плохо дело, караул, спасайся кто может! Богатые римляне бегут из поместий, жгут бумаги, заискивают перед своими рабами...

Но вот тут возникают смутные сведения о разногласиях среди предводителей восставших. Дело в том, что у Спартака к тому времени появились сопредводители, Крикс и Эномай, по происхождению, видимо, галлы, с территории будущей Франции. (Эти земли не были еще покорены Цезарем.)

Спартак, вероятно, с самого начала предполагал пройти мимо Рима, не нападая на Вечный город. Так он и сделал. А его сотоварищи из галлов вроде бы считали, что надо «раздавить гадину», уничтожить самый центр, самое гнездо рабства. А, в общем, еще и хорошо пограбить. Многие сподвижники Спартака были обычными разбойниками.

Конечно, любой бунт сопровождается насилием. Но, как ни удивительно, Спартак не раз пытался это приостановить.

Восставшие разделились. Отряд под руководством Крикса двинулся на Рим. И был разбит.

А Спартак продолжал движение на север, минуя Рим.

Положение Римской республики было сложным. На западе, на Пиренейском полуострове, больше пяти лет шла война против мощного движения, которое возглавил римлянин Серторий, бывший сторонник Мария, прекрасный воин и очень незаурядный человек. А на востоке был Митридат, многочисленные восставшие малазийские племена.

Приходили сведения, что Митридат через своих посланников ведет переговоры с Серторием. И вроде бы они хотят договориться с галлами. Если все движения соединятся, это будет по-настоящему страшно для Рима. Спартаковское движение вносило свою лепту в общую атмосферу катастрофы.

Республика зашаталась. И Сенат принял поразительное решение – послать против взбунтовавшихся рабов сразу двух консулов – Луция Геллия Публикола и Гнея Корнелия Лентула Клодиана. В 74 году они направились на восток.

Спартак считал, что надо увести людей из Рима, из этой страны рабов и рабовладельцев. Может быть, он собирался перевалить через Альпы, хотя это было крайне трудно. Он двигался на север.

Там, в Цизальпийской Галлии, которая была покорена Римом, произошло знаменитое сражение при Мутине. В нем

Спартак проявил себя как истинный полководец. Сначала он разбил обоих консулов, а при Мутине – наместника Цизальпийской Галлии Гая Кассия, применив прием, который Ганнибал использовал при Каннах в 216 году до н. э. Разделение и полное уничтожение окруженных войск противника.

Слухи о том, что он предводительствовал 120 тысячами человек, наверное, как всегда, преувеличены. Но это было настоящее войско, что видно по результатам.

Почему же после Мутины он не идет через Альпы? Варианты ответа бесконечно разнообразны. Может быть, потому, что перевалы в это время были непроходимы. Но прежде Спартак преодолевал любые трудности!

Теперь же он повернул на юг. И хотя в Риме все уже были полностью деморализованы, он опять прошел мимо. Привел войско на самый юг Апеннинского полуострова.

Если уходить из Италии через Средиземное море с юга, то нужен флот. И флот становится его целью.

А в это время в Риме Сенат наконец решает, кого направить на эту борьбу... нет, уже настоящую войну с рабами. Избранник – Марк Лициний Красс. Многие сомневались, стоит ли брать на себя должность главнокомандующего против рабов. Победишь – немного чести. Подумаешь, разбил рабов! А потерпишь поражение – конец карьеры. Красс рискнул. Уж очень хотел карьеры и славы. Продажный человек, спекулянт, да просто жулик. Он специально скупал здания, страховал на большие суммы, организовывал поджог и по-

лучал страховые выплаты. Его имя, как пишут римские историки, стало нарицательным. Красс – это коррупция.

Вот какой человек получает должность главнокомандующего в Италии, чрезвычайные полномочия для войны с рабами. Эти особые полномочия он сразу применил – провел то, что в Риме называли децимация, древний обряд наведения порядка в войске. Когда каждого десятого воина казнили. Казалось, об этой древней традиции давно забыли. Рим знал трудные войны, но давно не знал крупных поражений.

Красс построил 500 воинов – 50 из них (римские граждане, легионеры!) были с воспитательными целями казнены. Таким путем Красс продемонстрировал, что настроен победить.

Он нагнал Спартака, когда тот был на полуострове Регийум – на «кончике носка» италийского сапожка. У Спартака была договоренность с пиратами, что они предоставят восставшим рабам флот. И тогда можно уплыть по Средиземному морю и на Балканский полуостров, и в Малую Азию, кто куда захочет.

Пираты в то время были колоссальной силой. И страшными врагами Рима. Помпей, великий римский полководец, отправленный на борьбу с пиратами, сделал на этом карьеру. Пиратский флот был огромен.

После многочисленных успехов Спартака Красс уже торопился прибавить к своему имени титул – «победитель рабов». Он знал, что из Испании в Италию направляется

флот его политического соперника Помпея. Пройдет совсем немного времени, и Красс с Помпеем будут биться за право называться победителем Спартака.

Пираты Спартака обманули – флота не предоставили. Их перекупили. Есть мнение, что это сделал многоопытный Красс. Для карьеры ему не жаль было собственных денег. Он знал, что если станет одним из первых людей в Риме, то получит столько, сколько захочет.

Но Спартак не сдавался никогда! Он приказал немедленно строить флот, как мы сегодня скажем, из подручных средств. И, несмотря на риск, сколько возможно людей погрузить и отплыть. Видимо, у него уже созрел план. На этом флоте он не уплывет ни в Малую Азию, ни на Балканский полуостров. Рядом только Сицилия. А на Сицилии не так давно были два грандиозных восстания рабов, в 138–132 и 104–101 годах до н. э. Их предводители решительно отличались от Спартака тем, что первым делом провозглашали себя царями. Спартак же полководец, воин, вождь. Но не царь.

Он предпринимает попытку перебраться на Сицилию. Как предполагают историки, он рассчитывал разжечь то пламя, которое могло не вполне остыть на этом острове. Плыть близко. Но буря разметала построенные рабами самодельные суденышки.

В это самое время Красс отделил спартаковское войско от основной территории Италии. Он принял беспрецедентное решение. В самом узком месте полуострова Региум римским

легионерам, великолепным строителям, приказано прорыть глубокий ров, возвести стену и расставить вдоль нее часовых. Все! Спартак заперт со своим войском на этом носочке италийского сапожка. Кажется, на сей раз конец? Но ведь он не сдавался никогда!

Спартак велел вдоль всего рва сохранять костры, делать вид, что стоят часовые, кое-где даже были поставлены трупы умерших, чтобы все казалось натуральным. А в одном месте темной ночью собрать войско, забросать ров всем, чем можно, в том числе телами погибших, трупами лошадей. И по этому страшному мосту – прорыв.

Красс не понял, что происходит, поскольку вдоль всего рва были огни. И прорыв состоялся. Спартак вывел войско.

Он двинулся на северо-восток. Совершенно очевидно, куда он направился. Он шел к Брундизию, крупнейшему римскому порту. Известно было, что город хорошо укреплен, взять его штурмом будет трудно. А с востока к нему приближался полководец Лукулл. С запада же подплывал Помпей.

Для Спартака важнее всего было не оказаться в клещах, разбить каждого по отдельности.

Красс настигает его, у него хорошее, дисциплинированное войско. Ясно, что приближается страшное сражение. Оно состоялось, не доходя Брундизия, в области Апулия. Кое-какие детали известны. Перед сражением, пишут все авторы, к Спартаку подвели белого коня. Он внезапно заколол его мечом, сказав: «Если мы победим, у нас будет много та-

ких коней, а если мы не победим, мне конь не понадобится».

Интересно, что в одном из особняков города Помпеи сохранилась фреска: знатный римлянин изобразил, как он нагоняет Спартака и ранит его копьем в бедро. Причем Спартак на коне. А в действительности Спартак сражался пешим. И житель Помпеи, видимо, просто похвалялся.

Много врагов полегло вокруг Спартака, а он рвался к Крассу. Красс же был скрыт за спинами охранников-ликторов. Спартак видел его шлем, очень заметный, с перьями, пытался прорубить себе дорогу к главному врагу. Не смог.

Израненный, он опустился на одно колено – и скрылся под грудой павших вокруг тел.

Римляне мечтали провести его, пленного, по улицам Рима. Правда, триумф по поводу победы над рабами... это как-то принижает. Но Красс просто жаждал триумфа. И добился так называемого пешего, малого триумфа, или овации. Устроить грандиозный триумф по поводу победы над рабами было все-таки стыдно.

Захватить Спартака живым не удалось. Но римлянам было бы приятно хотя бы надругаться над его телом: выставить на всеобщее обозрение, проволочь за ноги, привязав к хвосту лошади, чтобы посмертно унижить. Но и тела нет!

По одной из версий, Спартак был изрублен в куски. По другой – уцелевшие отряды сумели унести тело своего погибшего вождя.

Подоспевшему Помпею хватило работы: он еще долго

сражался с оставшимися отрядами Спартака.

Что до Марка Красса, то его ждала страшная гибель в Парфии. Из его черепа парфянский царь прикажет сделать кубок и на пирах будет пить вино.

Спартак же останется в веках.

О нем писали такие римские авторы, как Ливий, Евтропий, Флор, Саллюстий, Плутарх – целая «команда» серьезных историков.

Великий немецкий историк XIX века, специалист по Риму Теодор Моммзен в третьем томе своего сочинения «Римская история», переведенного на русский язык в 1995 году, уделяет восстанию под руководством Спартака большое внимание.

О Спартаке пишет бельгийский историк Анри Валлон в книге «История рабства в античном мире» (первое издание – 1941 г.).

Есть замечательные труды советского историка С.Л. Утченко. Например, «Древний Рим. События, люди, идеи». И конечно, небольшая, но серьезная, основательная книга А.В. Мишулина «Спартак».

В 1987 году в серии ЖЗЛ вышла книга «Спартак» В. Лескова. Переведена с немецкого работа Хефлинга Хельмута «Римляне, рабы, гладиаторы. Спартак у ворот Рима» (1992).

Но кроме образа, созданного учеными, есть и образ, нарисованный людьми искусства. Первая драма о Спартаке написана в XVIII веке, поставлена в 1760 году. Есть и знаме-

нитый роман Р. Джованьоли, и очень разного качества художественные фильмы.

Спартак – это и своего рода политическое знамя. В XX веке в Германии «Спартаком» называлась коммунистическая организация.

Вряд ли так уж хорошо, что в нашем, российском сознании это имя связано прежде всего с футболом. Лучше бы, например, с гениальным балетом на музыку А. Хачатуряна.

Все-таки Спартак – вечный символ вовсе не спорта, а свободы. Он никогда не сдавался. Он никогда не провозглашал себя царем. Его кратчайшая жизнь в истории – это стремительно промчавшаяся и сгоревшая комета. И пример для людей разных эпох.

Царица Клеопатра. Конец эпохи эллинизма

Клеопатра – женщина-миф в нашем сознании, в долгой культурной традиции – в литературе, театре, кинематографе. Обольстительная сирена и зловещая убийца, Афродита и Изида, загадочная романтическая фигура. А между тем это реальное историческое лицо. Клеопатра знаменовала своей жизнью и гибелью конец целой эпохи, очень важной для истории мировой культуры.

Эпоха эллинизма наступила после распада державы Александра Македонского. Его преемники в результате долгой борьбы разделили империю на независимые государства, получившие общее название эллинистических.

Культура эпохи эллинизма – это блистательный сплав восточных и греческих традиций. Она дала такие замечательные произведения, как, например, Лаокоон и Венера Милосская. К пантеону египетских богов, не отвергая их, не вычеркивая, из Македонии добавили Диониса и Аполлона. Образовался удивительный культурный сплав.

Клеопатра стала последним формально независимым правителем одного из эллинистических государств – Египта. С ее смертью владыкой мира стал Рим. Эпоха эллинизма сменилась римской эпохой.

Интересно, что о Клеопатре писали Плутарх, Светоний, Аппиан, Дион Кассий, Иосиф Флавий, Страбон. Это блистательные имена. Но ведь все они говорили о Клеопатре с откровенной неприязнью! Причина кроется в том, что в конце ее жизни Рим воспринимал Клеопатру как символ опасности. Опасности не военной: победить Рим в военном отношении она не могла и не пыталась. От нее исходила опасность культурного вторжения, измены римским богам. А это очень серьезно.

Клеопатра родилась в 69 году до н. э. В 51-м, в возрасте 18 лет, она стала правительницей Египта – Клеопатрой VII. В ее роду было принято большинство девочек называть Клеопатрами. И она стала седьмой по счету правительницей под таким именем.

Для понимания этой необыкновенной судьбы очень важны предки. Она происходила из рода Птолемея I Сотера, основавшего египетское государство после смерти Александра Македонского, одним из полководцев которого он был. Когда в 323 году до н. э. Александр умер в Вавилоне, именно Птолемея увез его тело в Александрию, город на самом севере Египта, в дельте Нила. Забирая тело покойного царя, Птолемея, безусловно, пытался представить себя его первым преемником. Но были и другие кандидаты. Они назывались диадохи, то есть наследники. Им предстояло воевать друг с другом 40 лет и стать основателями эллинистических государств. Государство Селевка возникло в Сирии, потом-

ков Антигона – в Македонии и Греции, Птолемея I Сотера – в Египте.

Сам Птолемей происходил из Македонии – Северной Греции, из крестьянской семьи. Бывший македонский козопас... Его потомки свято хранили память о том, что они – представители греческого рода. И чтобы не нарушить прямую линию наследования, они восприняли, конечно же на свою беду, древнеегипетскую традицию браков между ближайшими родственниками. Чтобы власть не уходила из рук греков, они, как правило, женились на своих сестрах, а иногда даже матерях. Это закономерно привело к тому, что на некоторых членах семьи появилась печать вырождения – физическая слабость и психические особенности. Но Клеопатре, видимо, повезло. Правда, бытует упорная молва о том, что она была дочерью Птолемея XII Афлета не от законной жены, а от наложницы. И это в некоторой степени объясняет то, что она выделялась среди своих братьев и сестер внешностью, интеллектом, силой характера.

Проследившая историю египетского царского дома примерно за 100 лет, порой приходишь в ужас. Это сплошная цепь не только внутрисемейных браков, но и внутрисемейных убийств.

Расцвет династии Птолемеев наступил в III веке до н. э., при Птолемее Евергете, который победил Селевкидов, присоединил к Египту Сирию и соседей помельче и претендовал на то, чтобы воссоздать громадную египетскую держа-

ву. Отец Клеопатры Птолемей XII Афлет правил в I веке до н. э. Он не был мощной фигурой и имел прозвище Дудочник за то, что обожал игру на флейте, любил участвовать в праздничных шествиях и других развлечениях. Современники воспринимали его с иронией.

Как не вспомнить, что греческий политик и полководец Алкивиад в юности отказался играть на флейте, потому что человек, надувающий щеки, выглядит комично.

Птолемей XII Афлет не боялся принять этот забавный вид. И подданные над ним потешались.

Детство Клеопатры прошло в Александрии. Это был замечательный город, осененный тенью Александра Македонского. К I веку до н. э. Александрия стала вторым после Рима городом античного мира – по размеру, по интенсивности торговли, по общей значимости. Сюда будто переместился мир Древней Греции. В Александрии в разные годы жили и творили Архимед, Эвклид, астрономы Аристарх Самосский и Птолемей, философы Филон и Платин, поэты Каламах и Феокрит. Здесь находился величайший культурный центр древности – Александрийский мусейон с библиотекой.

Мусейон – кусочек древнегреческой культуры на территории Древнего Египта – был построен по приказу основателя династии Птолемея I, который хотел создать центр науки и образования по образцу Афин. Александрийская библиотека ко временам Клеопатры насчитывала около 700 тысяч свитков. Увы, эта духовная копилка Античности не сохрани-

лась, погибла еще в древности. Причем первым пожаром она «обязана» просвещенному Гаю Юлию Цезарю. Затем римский император Аврелиан в III веке н. э., штурмуя Александрию, окончательно разрушил и сжег Мусейон. Остатки библиотеки были спрятаны в Серапиуме – храме, посвященном богу Серапису. Потом их уничтожили христианские фанатики, а вслед за ними – мусульмане. И этот величайший центр античной культуры исчез бесследно.

А Клеопатра с детства посещала Мусейон. От своих братьев и сестер она отличалась страстью к науке. Известно, что она владела семью языками: греческим, латынью, персидским, ивритом, египетским, арабийским, эфиопским. Не все Птолемеи брались за труд изучить язык древних египтян. Она потрудилась. Ей был знаком даже язык полудиких кочевников берберов. Ходила молва, что она кичится знанием языков. Более того, в Мусейоне она изучала медицину. Биографы с ужасом пишут, что на этих занятиях вскрывали человеческие тела! Особенно же сильна Клеопатра была в математике, что отмечают даже ее враги. Это совершенно не характерно для женщины древности!

Но детство Клеопатры – это не только общение с самыми просвещенными людьми ее эпохи. В ее жизни было и немало страшного. В 58–55 годах до н. э., когда ей исполнилось 11 лет, в Египте вспыхнул бунт, связанный с неурожаями, налогами и вообще недалекновидной политикой ее отца-флейтиста. Птолемей был временно свергнут взбунтовавшейся тол-

пой. Ему пришлось бежать за помощью к римлянам. Тем временем его старшая дочь Клеопатра VI провозгласила себя царицей, узурпировав власть отца. Помощь римлян можно было только купить. О чем Птолемею XII Афлету римские власти сказали прямо. И он заплатил огромные деньги – 6 тысяч талантов золотыми слитками и монетами. Это равнялось примерно годовому доходу всего Египта. Чтобы внести эту сумму, Птолемей занял денег у римского ростовщика Гая Рабиния Постума и был объявлен «другом и союзником римского народа».

Для Клеопатры все это стало школой жестокой борьбы за власть. Но сначала надо было просто выжить. Она была с отцом в Риме. Не исключено, что тогда она, 14–15-летняя, впервые увидела своих будущих возлюбленных Марка Антония и Гая Юлия Цезаря. И они могли ее заметить. Молодой командир конницы Марк Антоний от имени римского народа восстанавливал Птолемея XII на престоле.

Рим помог свергнутому царю, направив в Египет полководца Габиния. Получение титула друга и союзника римского народа означало, с одной стороны, помощь, с другой – возникновение своего рода вассальных отношений. Отныне Египет не был уже вполне самостоятелен. Рим не объявлял его своей частью, но лишал статуса независимой страны.

В самом Риме в этот период было очень беспокойно, шла эпоха гражданских войн. Их участники остро нуждались в деньгах. А Египет представлял собой такой лакомый кусо-

чек! Житница Древнего мира, хранитель сокровищ фараонов!

Самопровозглашенная правительница Клеопатра VI была убита собственным окружением. На короткое время царицей была объявлена вторая дочь Птолемея Береника. В 55 году до н. э. римляне восстановили на престоле Птолемея XII. Членов семьи, поддержавших царицу-узурпатора, беспощадно казнили.

Клеопатра не играла никакой роли в этой кровавой борьбе. Однако уже тогда она поняла, что с Римом надо дружить. На это была направлена вся ее дальнейшая политическая деятельность. Ее задачей стало приблизить к себе Рим, чтобы занять самостоятельную позицию.

В 51 году Птолемей скончался. Последние пять лет его правления были трудными: восстановление стабильности после долгих беспорядков шло медленно и мучительно. Птолемей оставил завещание. Как правитель Египта и союзник и друг римского народа он оставил власть двоим – 18-летней дочери Клеопатре и ее младшему брату, 10-летнему Птолемею. Им положено было сочетаться браком.

И они действительно вступили в символический брак. При этом она приняла тронное имя – Теа Филопатор, что значит Богиня, любящая отца. Потом она дважды его уточняла: Богиня, любящая брата (в совместном правлении с одним, а потом вторым братом) и Богиня, любящая сына.

Формально независимое государство оказалось под вла-

стью юной девушки и ее условного соправителя. Клеопатра получила страну в плохом состоянии. И как нарочно, как это часто бывает в пору социальных потрясений, произошло еще и стихийное бедствие. Обмелел Нил. Это настоящая катастрофа для Египта: нет разлива Нила – нет урожая на полях. Древний Египет возвысился как цивилизация благодаря водам Нила, орошавшим поля и позволявшим снимать минимум два, а то и три урожая в год.

Как только Нил обмелел, крестьяне начали разбегаться, спасаясь от голода. Когда в стране хаос, при дворе обязательно возникают враждующие партии. Одна из них – антиримская, а значит, действующая против Клеопатры. Молодая царица, как мы уже знаем, занимала проримскую позицию. Например, она направила войска в Сирию в помощь Риму против Парфии – сохранившегося в глубинах Азии обломка державы Александра Македонского.

Среди противников Клеопатры был евнух Потин. По древней восточной традиции, придворные евнухи энергично занимались политикой. Кроме того, в антиримской партии оказались талантливый полководец Ахилл (или Ахиллас) и воспитатель ее младшего брата Теодот (или Феодот). Все они были заинтересованы в том, чтобы свергнуть Клеопатру, оставить у власти маленького Птолемея XIII и править самим. Клеопатра не устраивала их своей самостоятельностью, независимостью, решительным характером. Надо сказать, что хотя в истории она прославлена как женщина, пра-

вила она как мужчина.

В 48 году до н. э. обстановка при дворе стала настолько опасной, что Клеопатра вынуждена была бежать. Она отправилась в Сирию, собрала войско – и началась гражданская война между соправителями.

Войско Клеопатры стояло на границе, готовое пойти против узурпаторов. В это время в Египет направлялся римский полководец Помпей, разбитый в борьбе с родственником и бывшим другом Гаем Юлием Цезарем. Потерпев поражение в знаменитой битве при Фарсале, Помпей в надежде на защиту и денежную помощь двинулся туда, где правил друг и союзник римского народа. Помпей был уверен, что его хорошо примут. Но реальная власть была не у 14-летнего Птолемея XIII, а у коварной придворной троицы. Помпею передали, что его ждет достойный прием, но только после того, как он с небольшим сопровождением высадится на берег.

Не зря Цезарь однажды сказал о Помпее, что тот не умеет побеждать. Помпей оказался слишком доверчив. На небольшой лодке он подплыл к египетским берегам. Стоило ему ступить на сушу – его схватили и обезглавили. Все произошло на глазах его семьи, оставшейся на корабле.

Зачем это было сделано? Египетские правители слышали, что за побежденным Помпеем гонится победитель Цезарь. А его они очень боялись. Ему хотели радостно предъявить голову врага.

Трудно сказать, какие именно чувства должен был испы-

тывать Цезарь. Но можно предположить. Он начинал политическую карьеру рядом с Помпеем, дружил с ним, отдал за него свою любимую дочь Юлию...

Цезарь, отставший от Помпея всего на два дня, увидел его отрубленную голову с искаженным мукой лицом и пришел в ужас. Он приказал с почестями похоронить голову своего соперника у стен Александрии и там же возвести святилище богини Немезиды, богини мщения. Это был явный намек заговорщикам.

С прибытием Цезаря в Египет начался новый этап в жизни Клеопатры. Римский полководец знал о ее существовании и даже взял на себя миссию арбитра между враждующими братом и сестрой. Демонстрируя миролюбие, Цезарь хотел вернуть деньги, некогда занятые Птолемеем XII у римского ростовщика. Они были нужны для победы в гражданской войне. Рим – финансовая держава, там умели вести денежные дела. Цезарь перекупил вексель и привез, чтобы предъявить наследникам.

Цезарь стремился обеспечить себе влияние в Египте, но не собирался пока делать его провинцией Рима и отдавать кому-то в управление. Это понятно. Тот, кто остался бы управлять этой территорией, стал бы слишком богат и слишком независим. Он мог превратиться в нового соперника в гражданской войне. Светоний прямо пишет: «Наместник далекого и богатого Египта был бы слишком опасен для Цезаря».

Умный Цезарь призвал к себе обоих соправителей. Но Клеопатра была в изгнании. Тем временем в Египте начался антиримский бунт. Дворец окружили войска евнуха Потина и Птолемея. Бои шли с переменным успехом. Птолемей XIII бежал вместе с сестрой Арсиной.

У Цезаря было 7-тысячное войско, гораздо меньшее, чем у противников. Тем не менее он сумел захватить и казнить евнуха Потина. Однако в конце концов Цезарю пришлось спасти собственную жизнь, вплавь выбираясь из дворца. В сентябре 48 года до н. э. он был осажден, отрезан от подкрепления в царском квартале Александрии.

И вот в этой обстановке к Цезарю прибыла Клеопатра. История очень романтическая, но, видимо, достоверная. Хрупкую юную царицу принесли к Цезарю – то ли закатанную в ковер, то ли спрятанную в мешок для постельных принадлежностей. Так или иначе, ее пронесли через все кордоны. Если бы она попала в руки врагов, ей, не задумываясь, отрубили бы голову.

Но замысел удался. Они с Цезарем встретились. Биографы единодушны: Клеопатра произвела на него глубочайшее впечатление. Чем же он был ошеломлен? Самое очевидное объяснение – он значительно старше, ему 52 года, ей 21, он равнодушен к женской красоте. Он страстно влюбился в нее. Но вряд ли дело только в этом. Цезарь был не так прост. Он увидел личность. Плутарх писал: «Ее облик, сочетавшийся с редкой убедительностью речей, с огромным обаянием,

сквозившим в каждом слове, в каждом движении, накрепко врезался в душу. Самые звуки ее голоса ласкали и радовали слух». Это признает Плутарх, всегда готовый написать о ней что-то враждебное.

Не только чарующие звуки ее голоса, но и ее образованность, ее характер – все это впечатлило Цезаря. Это был не банальный страстный роман. Это были отношения мудрого, начинающего стареть политического деятеля и полководца с незаурядной, удивительной женщиной.

Когда подошло подкрепление, враги Цезаря и Клеопатры были разбиты. 15 января 47 года до н. э. ее брат и формальный супруг, 15-летний Птолемей XIII, убегая от римских легионов во время сражения около Мареотийского озера, утонул в водах Нила. Что неудивительно: он был облачен в тяжелейшие золотые доспехи. Бедный ребенок, никогда не бывший реальной политической фигурой, утонул из-за воспринятых греками традиций фараонской пышности.

Но поскольку по закону править в Египте могли только двое, Клеопатру немедленно выдали замуж за следующего брата – 13-летнего Птолемея XIV. Цезарь совершенно равнодушно отнесся к этому браку.

Ему хотелось увидеть Египет. И он отправился с Клеопатрой в путешествие по Нилу. Они плыли на огромном царском корабле – 90 метров в длину, 40 в ширину, роскошно отделанном золотом. Его прозвали гигантской супружеской спальней. Сопровождение составляли 400 кораблей.

Они шли по Нилу мимо храмов, пирамид, и Цезарь вникал в историю этой страны и отдыхал от вечных сражений, окруженный прекрасными цветами и звуками музыки. А царица уже ждала от него ребенка.

Цезарь отдыхал в этом путешествии, отдыхал чуть ли не единственный раз в жизни. Отдыхал от всего – только не от мыслей о власти. В союзе с Клеопатрой Цезарь, безусловно, видел возможное укрепление своей власти в Риме. И может быть, в Риме, понимаемом как мировая держава. В Фивах Цезарь вслед за Александром Македонским получил через жрецов благословение бога Амона. Надо сказать, что Цезарь с 20-летнего возраста говорил о своем божественном происхождении: род Юлиев, по преданию, происходил непосредственно от Венеры. Теперь его поддержали и жрецы древнего культа Амона в египетских Фивах. Это было явное продолжение идеи всемирной власти, волновавшей Александра Македонского, Цезаря и многих других в последующие века мировой истории.

По возвращении Цезарь уехал вновь воевать за власть – отправился в Малую Азию подавлять опасное для Рима движение под руководством понтийского царя Фарнака, сына знаменитого Митридата VI Евпатора. Эта победа Цезаря особенно знаменита. Немислимо быстро приведя войска в Вифинию, он разбил противника и послал в Сенат знаменитое донесение – «*Veni, vidi, vici*» – «Пришел, увидел, победил». В этих крылатых словах слышится и ликование 54-лет-

него мужчины, у которого, помимо всего прочего, случился удивительный роман с юной красавицей. У него было воистину победоносное настроение.

Клеопатре Цезарь оставил для защиты три легиона. Это не так мало: в то время римский легион насчитывал 5–7 тысяч человек. Три легиона – и никакого наместника. Египтом должна была править Клеопатра. Трудно сказать, чего было больше в ее отношении к Цезарю – любви или расчета. Но она наверняка пыталась сохранить свое государство, покорив не Рим, а римлянина, приручив его и получив право управлять в дружбе с Римом.

После отъезда Цезаря Клеопатра родила сына и назвала его Птолемей-Цезарь. А народ Александрии прозвал его Цезарион – Маленький Цезарь.

Летом 46 года до н. э. Цезарь вызвал Клеопатру вместе с сыном в Рим. Роскошь ее появления многократно описана античными авторами, может быть, с некоторыми преувеличениями. Цезарь поселил царицу на своей вилле на берегу Тибра, в знаменитых садах, которые он потом завещал римскому народу. Пребывание Клеопатры в Риме должно было выглядеть как укрепление союза между Востоком и Западом.

Однако по Риму поползли слухи, которые, видимо, специально распространяли враги Цезаря. Говорили, что у Цезаря есть план перенести столицу римского государства в Александрию. Это был страшный удар по честолюбию римлян и,

несомненно, могло усилить недовольство Цезарем и приблизить его убийство. Вот что значит вовремя распространить слух, будоражащий чернь! Казалось бы, ей должно быть все равно, где она будет получать хлеб и зрелища. Но нет! В ней легко пробуждается отчаянный патриотизм.

Позиции Цезаря и без этого не были прочны. Многие в Риме, и прежде всего в Сенате, были недовольны тем, что он стал пожизненным диктатором. Это означало нарушение римской республиканской традиции. 15 марта 44 года до н. э. Цезарь был коварно убит группой заговорщиков, которую возглавляли Брут и Кассий.

Клеопатра находилась в Риме. Цезарь – ее возлюбленный, отец ее ребенка, о чем всюду говорится, хотя он никогда официально этого не признавал. После смерти покровителя она покинула Рим, реальным хозяином которого стал бывший близкий соратник Цезаря Марк Антоний, и отправилась обратно в Египет.

Марк Антоний много лет сражался рядом с Цезарем в галльских походах. Это был прекрасный воин, полководец, известный своими чисто римскими качествами: он все решал с помощью удара меча. После смерти Цезаря он, бывший вместе с ним консулом, произнес пламенную речь об отмщении убийцам.

По завещанию Цезаря его наследником стал внучатый племянник Октавиан Август. Но никто не принял этого всерьез. И Антоний не увидел опасности. Позже Октавиан, ти-

хий, неброский, вовсе не воин, победит всех и станет во главе Рима. Может быть, Цезарь успел заметить некоторые качества этого юноши и решить, что в трудный момент для достижения примирения Риму нужен именно такой человек – умный, тонкий и изворотливый. Но сначала между Антонием и Октавианом готова была разразиться очередная гражданская война. Клеопатра же в Египте заняла выжидательную позицию. Рядом с ней были два опасных человека, два врага – брат-супруг Птолемей XIV и сестра Арсиноя. Цезарь после укрепления Клеопатры на престоле увез Арсиною в Рим. Когда эту хрупкую девушку вели в триумфе Цезаря, народ Рима, отличавшийся непостоянством, вдруг умилился, растрогался, начал скорбеть над ее тяжелой судьбой – и ее не казнили после триумфа, как было принято, а позволили ей удалиться и укрыться в храме Серапиона в Эфесе. Там она, как и другие представители семейства Птолемеев, провозгласила себя правительницей.

Клеопатре непросто было решить, чью сторону принять в противостоянии Антония и убийц Цезаря. У нее просили денег. Она колебалась и изворачивалась.

Тем временем ее брат и супруг Птолемей XIV внезапно скончался. Античные авторы, разумеется, говорят, что она его отравила. Действительно, очень уж вовремя все произошло: ему как раз исполнилось 14 лет, в Египте он считался взрослым и мог начать борьбу за реальное правление.

После смерти Птолемея Клеопатра взяла себе в сопра-

вители маленького Цезариона, вступив с ним в ритуальный брак, и провозгласила себя Богиней, любящей сына. В течение трех лет она правила самостоятельно.

В 42 году до н. э. Антоний разбил Брута и Кассия в битве при Филиппах. Оба убийцы Цезаря погибли. С Октавианом же Антоний достиг договоренности. Октавиан стал императором Запада, Антоний – Востока. Конечно, долго двум императорам не бывать. Рим стремительными шагами шел навстречу утверждению императора не как полководца, а как полновластного правителя. И в будущем, во время кризиса, разные армии станут провозглашать разных императоров.

Римлян давно тянуло на Восток. В восточном походе в свое время погиб полководец Марк Красс. Антоний также грезил Востоком. Он надеялся, что хранящихся там сокровищ будет достаточно, чтобы покорить главного врага Рима – Парфию. Государство Парфия образовалось в III веке до н. э. к югу и юго-востоку от Каспийского моря. Присоединяя все больше и больше территорий, включая Сирию, Парфия стала серьезным соперником Рима.

Почему для Антония было так важно победить Парфию? Вряд ли он собирался там поселиться и стать восточным правителем. Просто человек, который вернулся бы в Рим с лаврами победителя парфян, имел бы величайший авторитет.

Антоний решил встретиться с Клеопатрой, чтобы наказать ее за политические колебания. Он прибыл на юго-восток Малой Азии, в Киликию, и вызвал туда правительницу

Египта. Он и представить себе не мог, какова Клеопатра, когда она ставит цель. А цель у нее была – сохранить Египет, не уступить его надвигающемуся Риму. Ей надо было завоевать следующего римлянина, имеющего огромную власть. Правда, в отличие от Цезаря Антоний не был единственным хозяином Рима. Но сделать ставку она могла только на него – императора Востока.

Клеопатра прибыла на корабле, будто сошедшем со страниц восточной сказки. Он был обит золотом, весла – серебром. Сама Клеопатра появилась под звуки флейты, овеянная благовониями, в костюме Афродиты. Служанки были одеты нимфами.

Антонию было 40 лет. Клеопатре – 29. Ее нельзя назвать идеальной красавицей. Она унаследовала черты, характерные для рода Птолемеев – довольно длинный прямой нос, несколько выдающийся подбородок, высокий лоб, строгий профиль. Но ее очарование было непередаваемо. И к тому же волшебный голос!

Антоний прибыл ее покарать, а сам был покорен! Клеопатра сделала свой выбор. Великий роман начался мгновенно. Антоний несколько не был похож на Цезаря, который, спасаясь вплавь от врагов, одной рукой держал над головой дощечки для письма, дабы их не повредить. Антонию дощечки для письма очень мало интересны. Это человек-меч и человек-пиршество. Он так любил пиры, что на форум являлся порой после большой попойки и говорил в ответ на упреки:

«Больше не буду пить эту гадость!»

Вообще Антония не назовешь образцом благородства. По его велению был казнен великий Цицерон. Были и другие жестокие и несправедливые поступки. Но он не был и более порочным, чем его политические соперники. Тишайший Октавиан пролил в дальнейшем реки крови.

41–40 годы до н. э. – время начала «великого романа» Антония и Клеопатры. Ей оставалось жить немного больше десяти лет, из них – десять с Марком Антонием (с перерывами, но буквально до гроба). Антоний на несколько месяцев бросился, как в омут, в развлечения и праздники с Клеопатрой. Между тем политика призывала его в свои железные объятия. На Востоке Парфия теснила Рим: потеряны Сирия и юг Малой Азии. В Риме Октавиан говорит о готовности «все простить» и править великим государством совместно... Наверное, только великая власть – реальная соперница великой любви...

В 40 году до н. э. Антоний, покинув Клеопатру, отправился в Рим. Октавиану удалось «приручить» его. Дело в том, что жена Антония Фульвия скончалась и Октавиан женил его на своей добродетельной сестре Октавии. Однако Октавиан напрасно рассчитывал связать Антония домашними узами. Даже в удалении от Клеопатры Антоний испытывал большое ее влияние. Ведь именно по ее просьбе он отдал приказ казнить ее сестру и соперницу Арсиною, укрывавшуюся в храме.

Пока Антоний находился в Риме, Клеопатра в Египте родила ему близнецов. Они были названы Александр Гелиос (Солнце) и Клеопатра Селена (Луна). Солнце и Луна – главные объекты поклонения и символы божественного в Парфянском царстве. Клеопатра намекала, чтобы Антоний не оставлял идею покорить Парфию.

Антоний вернулся в Египет, оставив благонравную Октавию в Риме, и в 37 году до н. э. женился на Клеопатре. Октавии он отправил письмо о разводе, тем самым порвав отношения с Октавианом. Тем более что двум императорам все равно было не ужиться.

Некоторые авторы называют свадьбу Антония и Клеопатры бракосочетанием Востока и Запада. Все было очень пышно. Антоний поднял над головой близнецов, признав их своими детьми. Вскоре он начал раздавать им всякие титулы. Он признал и Цезариона, сына Цезаря, которому был присвоен титул Царь Царей.

С точки зрения римлян, все это было совершенно возмутительно. Но если бы Антоний добился военного успеха в Парфии, ему бы многое простили. Однако поход против Парфии 37–36 годов до н. э. оказался неудачным: Антоний потерял 20 тысяч пехоты и 4 тысячи конницы, преимущественно римских солдат и офицеров. Граница между римскими и парфянскими владениями была установлена по Евфрату. Покорение Парфии, о котором мечтал воинственный Рим, в очередной раз не состоялось.

Потерпев поражение, Антоний продолжал вести себя так, как будто дразнил судьбу. В Риме стало известно, что он раздает владения своим детям от Клеопатры, которая родила к тому моменту еще одного сына – Птолемея Филадельфа.

Когда Антонию удалось наконец одержать одну существенную военную победу – над царем Армении, он устроил по этому случаю триумф не в Риме, а в Александрии. Самоубийца! Ясно было, что Клеопатра управляет его настроениями и решениями. В Риме стали говорить, что он больше не римлянин.

Не дремал и Октавиан. Он узнал о том, что Антоний прислал в Рим свое завещание и по традиции передал его на сохранение жрецам храма Весты. Октавиан был хорошим актером. Он разыграл сцену праведного беспокойства и невыносимого гнева. Ворвавшись в храм, он потребовал показать ему завещание Антония. Жрецы не имели права это делать. Но Октавиан был в такой безумной ярости, что, испугавшись за свою жизнь, жрецы показали ему завещание. Он сделал из него некие выписки и отправился в Сенат.

Что в действительности говорилось в завещании, неизвестно. Но в Сенате было объявлено, что в завещании Антония упомянуты дети Клеопатры, а две дочери Антония от благородной римлянки Октавии забыты. Репутация Антония была погублена окончательно, и это очень важно. Для римлян превыше всего были любовь к родине и подлинно римские доблести. Человек, попирающий эти принципы, по-

гибал в их глазах. И поэтому Антоний погиб гораздо раньше своей физической смерти. Впереди была война, в которой он оказался против Октавиана и всего Рима. И главным губительным фактором для Антония стало массовое дезертирство армии его сторонников-римлян, их переход в лагерь Октавиана.

Решающим в войне стало знаменитое морское сражение 2 сентября 31 года до н. э. при Акциуме. Вообще-то римляне были сильнее на суше. Когда они воевали с Карфагеном, морской державой, то от отчаянья изобрели абордажные мостики. Перекинув их между кораблями, они превращали морское сражение, которое ведется на расстоянии, в непосредственное столкновение, как на суше.

Почему бой состоялся на море? Есть предположение, что это была идея Клеопатры. У нее был флот, и не малый. И она верила, что флот важнее, чем сухопутное войско. Антоний же свой военный опыт взращивал не на воде, а на суше. А здесь взялся командовать морским сражением.

Мыс Акциум – это греческая территория, Ионическое море. Туда прибыла армия Октавиана, с одной стороны, и войска Антония и Клеопатры – с другой. Личное присутствие Клеопатры как будто означало, что командующих двое. Причем один из них – женщина. Со стороны Октавиана в битве участвовало 260 кораблей, со стороны Антония – 170, из них 60 египетских.

Это страшное истребительное сражение протекало с пе-

ременным успехом. Войско Октавиана возглавлял талантливый полководец Агриппа, что имело очень большое значение.

Знаменитым стал эпизод, когда посреди сражения корабли Клеопатры развернулись и ушли. Наверное, это была попытка спасти хотя бы часть флота. И это удалось. Но Антоний, потеряв голову, бросился следом за возлюбленной, оставив свое войско на произвол судьбы. Разгром был полным. Около пяти тысяч трупов осталось в море около мыса Акциум. Страшное сражение.

Антоний, уже раньше уничтоженный Октавианом морально, теперь был разбит и в военном отношении.

Вместе с Клеопатрой Антоний бежал в Египет, где составлялись планы спасения, например в Индии. Но отправить туда удалось только несчастного Цезариона. Потом враги Клеопатры выманили его обратно, и он был убит. Римлян не устраивала ситуация, что где-то жил сын Цезаря. Ведь рано или поздно он мог заявить о своих правах.

Антоний и Клеопатра остались в Египте. Они знали, что обречены. На смену былым праздникам, которые иногда длились неделями, пришел Союз стремящихся к смерти. Это был кружок людей, поклявшихся, что они лишат себя жизни, если римляне придут на египетскую землю. А ведь было совершенно ясно, что придут. Когда же это случилось, массовых самоубийств не было. Но Антоний, Клеопатра и две ее служанки действительно покончили с собой.

А пока Октавиан был на пути в Египет. Чего он хотел от этого похода? Очень многого. Прежде всего ему нужны были сокровища Клеопатры. Одержав победу, он вывез из Египта несметные богатства, восходившие еще к фараонам и сохранные Птолемеями. Вozy золота, серебра, драгоценных камней... Это было древнее общество, а ему свойственно накопление богатств.

Но этого Октавиану было мало. Он мечтал провести Клеопатру и ее детей в триумфе. Он понимал, что Антония захватить не удастся. Ведь это был пусть и переродившийся, но римлянин. Ясно было, что он убьет себя во избежание позора. А вот провести по Риму Клеопатру и ее с Антонием детей – это было политически важно. Октавиан стоял на пороге единоличного правления. Вскоре ему предстояло стать принцепсом, то есть первым. Первым среди сенаторов. По существу это была уже монархия, слегка задрапированная в республиканские одежды.

Единственная оставшаяся преграда на его пути – Египет, последнее государство – прямой преемник великой державы Александра Македонского, последняя эллинистическая держава, юридически считавшаяся не провинцией Рима, а только «другом римского народа». Октавиану было необходимо превратить эту страну в одну из римских провинций. И он это сделает, оставив Египет под своим личным управлением. Ведь неплохо иметь в собственности такое «хозяйство», откуда можно черпать огромные богатства. А пока ему нужна

была Клеопатра.

А тем временем Антоний, получив ложное известие о том, что Клеопатра уже покончила с собой, заколол себя мечом. Но Клеопатра была еще жива. Она обняла умирающего супруга, простилась с ним, а потом похоронила его. Октавиан позволил это сделать. У римлян было принято с уважением относиться к смерти.

Есть версия, что Клеопатра хотела отравиться. Она прежде испытывала на заключенных, приговоренных к смерти, различные яды и лучшие хранила у себя. Но их успели у нее изъять.

Существует предположение, что Клеопатра пыталась соблазнить и Октавиана. Едва ли. Она была уже не в том возрасте, чтобы очаровать молодого Октавиана, который к тому же никогда не славился особым интересом к женскому полу. Известно только, что он ласково поговорил с ней, пытаясь усыпить ее бдительность. Клеопатра просила только разрешить ей посетить могилу Антония и пощадить ее детей. Октавиан отвечал, как всегда, уклончиво. Вскоре доверенные люди сообщили ей, что на самом деле он собирается доставить ее живую в Рим и провести в цепях в триумфе.

Может быть, она уморила себя голодом. Может быть, все-таки отравилась с помощью змеи, принесенной в корзине с фруктами, – то ли во дворце, то ли в гробнице, которую заранее, как египетские фараоны, себе заготовила. Это было в 30 году до н. э.

Октавиан приказал пронести по Риму ее статую и провел в триумфе ее детей от Антония. Но это было, конечно, совсем не то, на что он рассчитывал. Дети, кстати, воспитывались потом женой Антония, сестрой Октавиана, благонравной Октавией. И одну из девочек даже удачно выдали замуж за некоего правителя в римской Африке. Мальчики же по неизвестным причинам рано ушли из жизни.

Потрясающий роман, в основе которого была попытка спасти последнее эллинистическое государство, закончился крахом главной героини. Наступила эпоха абсолютного римского мирового господства.

Вокруг имени Клеопатры по сей день множество легенд. И это не случайно. О ничтожных людях легенд не слагают.

Цинь Шихуанди. Первый император Китая

В российских школьных учебниках истории о Древнем Китае рассказано не очень подробно. Вряд ли каждому понятно, что III век до н. э., когда первый император Китая объединил враждующие разобщенные царства, – это и время Пунических войн между Римом и Карфагеном. И события, происходившие на Востоке, ничуть не менее значимы, чем те, которые сотрясали Европу и ее ближайших соседей.

Цинь Шихуанди насаждал идеологию порядка и сильной центральной власти, что весьма актуально для современного человечества. Он хотел жить вечно. В итоге если не вечно, то невероятно долго живет его заупокойная пирамида, ставшая крупнейшей археологической сенсацией XX века. Там найдена так называемая Терракотовая армия – удивительнейший памятник, который уже в XXI столетии привозили в Москву и выставляли в Государственном историческом музее.

История жизни и правления Цинь Шихуанди сохранена в замечательном источнике. Автор его – Сыма Цянь – написал исторические записки «Ши цзи» через 65 лет после смерти Шихуанди. Эти девять томов изданы и в русском переводе. Богатейшим материалом насыщена монография Л.С. Пере-

ломова «Империя Цинь – первое централизованное государство в истории Китая» (1962). Несколько раз переиздавалась переведенная с французского языка книга Вадима и Даниель Елисеефф «Цивилизация классического Китая». С английского переведено исследование Бамбера Гасконе «Краткая история династий Китая», книга вышла в Санкт-Петербурге в 2009 году.

Цинь Шихуанди родился в 259 году до н. э. в Ханьдине, в княжестве Чжао царства Цинь. Его отец Чжуан Сянван был правителем, это следует из его имени, поскольку «ван» означает «князь» или «царь».

Мать была наложницей. То есть Цинь Шихуанди – ба-стард. Более того, мать перешла к Джан Сянвану от предыдущего господина, придворного Люй Бувэя. И ходили слухи, что сын на самом деле – его. Люй Бувэй, кстати, всячески покровительствовал мальчику. Но оказаться его сыном было не очень лестно, потому что он, в отличие от Джан Сянварана, не был князем и даже занимался торговлей.

Происхождение многое объясняет в характере Цинь Шихуанди. История дает немало примеров того, сколь отчаянно рвутся к власти именно незаконнорожденные, а следовательно, уязвленные. Об этом не раз писал великий Шекспир. Есть такое особое стремление – доказать всему миру, что ты пусть и не такой знатный, как другие, зато самый сильный.

Мальчика называли Чжэн, что означает «первый». Догадка гениальная! Ведь он действительно стал первым императо-

ром Китая.

В результате сложных придворных интриг Люй Бувэй добился того, чтобы в 13 лет Чжэн стал правителем государства Цинь – одного из семи китайских царств. Китай переживал в то время период раздробленности, и каждое из княжеств имело относительную самостоятельность.

Китайская цивилизация – одна из древнейших на земле. Ее начало относится к XIV веку до н. э. Она родилась, как и некоторые другие древние культуры Востока, в долине двух великих рек – Хуанхэ и Янцзы. Речная цивилизация во многом зависит от ирригации. Воюя с соседями, можно просто разрушить ирригационную систему, которая обеспечивает поля водой. И засуха, и затопление чреватой потерей урожая и голодом.

В VIII–V веках до н. э. Китай переживал этап раздробленности и внутренних войн. Но, даже несмотря на это, древним китайцам было свойственно осознание себя единой великой цивилизацией, Поднебесной – прекрасным миром, окруженным «злыми варварами» и потому вынужденным себя защищать. Причем китайцам действительно было чем гордиться. У них уже возникла письменность, они освоили металлургию и создали совершенную систему ирригации.

Надо понимать, что семь китайских царств – это полуполюгендарное понятие. Например, Британия на островах в Средневековье тоже началась с так называемых семи англосаксонских королевств. Это своего рода символ раздробленно-

сти. Китайские княжества – это Янь (северо-восток), Джоо (север), Вэй (северо-запад), Цинь (тоже северо-запад), Ци (восток), Хань (центр) и Чун (юг).

Важнейшую роль в преодолении мозаичной разобщенности сыграло именно царство Цинь, располагавшееся на северо-западной границе, в предгорьях, в излучине Хуанхэ. Оно не было самым передовым в экономическом отношении, потому что главные его силы уходили на сдерживание варваров, наступавших с северо-запада, в том числе сюнну – будущих гуннов. Именно это заставило жителей царства Цинь создать военную организацию, более мощную, чем у соседей. Исследователи сравнивают внутреннее устройство царства Цинь с военной организацией Спарты. Бывают такие государства – не самые передовые экономически, но самые вынужденно организованные. Строжайшая дисциплина, прекрасное владение оружием – это выдвигает их в первые ряды. Так и Цинь оказалось самым заметным среди семи китайских царств.

Первые восемь лет на престоле Чжэн реально не правил. Власть принадлежала его покровителю Люй Бувэю, который назвался регентом и первым министром, получив также официальный титул «второго отца».

Юный Чжэн проникся новой идеологией, центром которой в это время было княжество Цинь. Она получила название легизма, или школы права. Это была идеология тоталитарной власти. Безграничный деспотизм вообще свой-

ствен Древнему Востоку. Припомним древнеегипетских фараонов, которые сознавали себя богами среди людей. И правители Древней Ассирии говорили о себе: «Я царь, царь царей».

В Древнем Китае идеология легизма пришла на смену философии, которую разработал примерно за 300 лет до Шихуанди знаменитый мыслитель Конфуций (Учитель Кун, как его называют документы). Он организовал и возглавил первую в Китае частную школу. В нее принимали всех, а не только детей аристократов, ибо главная идея Конфуция – нравственно перевоспитать общество через перевоспитание правителей и чиновников. Это во многом близко, например, взглядам древнегреческого философа Платона, который в V–IV веках до н. э., примерно через сто лет после Конфуция, тоже говорил о необходимости перевоспитания правителей и даже попробовал перейти к практической деятельности. Платон, как известно, так раздражал одного из тиранов, что тот продал его в рабство.

Конфуций, как сообщает величайший историк Древнего Китая Сыма Цянь, предложил свои услуги семидесяти правителям, говоря: «Если кто-нибудь использует мои идеи, я смогу сделать нечто полезное всего за один год». Но никто не откликнулся.

Идеи Конфуция предвосхищают философию гуманизма. У него трудящийся народ должен быть подчиненным и работающим, но государство обязано заботиться о нем и защи-

щать его – тогда в обществе будет порядок. Именно Конфуций учит: «Должность не всегда делает человека мудрецом». А мечтой его был мудрец на высокой должности.

Как пишет Сыма Цянь, Конфуций был недоволен современным ему обществом, опечален тем, что путь древних правителей заброшен. Он собрал и обработал древние гимны, стихи о единстве народа и власти, о необходимости подчиняться правителю, который должен быть добр к народу. Он видел общественное устройство как дружную семью. Потом Конфуцию приписали авторство, но, видимо, он на самом деле только собрал эти произведения.

По мнению же молодого Чжэна, увлеченного идеями легизма, закон есть высшая власть, идущая от неба, высший же правитель – носитель этой высшей власти.

В 238 году до н. э. Чжэн начал править самостоятельно. Люй Бувэя он сослал, заподозрив – вероятно, не беспочвенно – в подготовке мятежа. Затем его принудили к самоубийству. Остальные заговорщики были жестоко казнены. Среди прочих – и новый любовник матери Чжэна, ставленник Люй Бувея Лао Ай. Начиналась эпоха великих казней.

Цинь Шихуанди стал полновластным хозяином небольшого, но очень воинственного княжества. Первые 17 лет своего самостоятельного правления он непрерывно воевал. Его правой рукой сделался некто Ли Сы. Это был страшный человек. Выходец из низов, из глухой деревни, он оказался очень хитроумным и очень воинственным. Ли Сы горячо

разделял идеологию легизма, придав ей определенную жесткую направленность: он утверждал, что закон и обеспечивающее его наказание, а значит, жесткость и страх есть основа счастья всего народа.

К 221 году до н. э. правителю Цинь удалось покорить шесть остальных китайских царств. На пути к цели он пользовался и подкупом, и интригами, но чаще всего – военной силой. Подчинив себе всех, Джэн объявил себя императором. Именно с этого времени он звался Шихуанди – «император-основоположник» (аналогично древнеримскому обозначению «император Август»). Первый император заявил, что править будут десятки поколений его потомков. Он жестоко ошибся. Но пока казалось, что этот род действительно непобедим.

Армия Цинь Шихуанди была огромна (ее ядро составляло 300 000 человек) и располагала все более совершенным железным оружием. Когда она отправилась в поход против сюнну, варвары были отброшены, а китайская территория на северо-западе значительно расширена. Чтобы обеспечить защиту от враждебного окружения, император приказал соединить бывшие укрепления шести царств новыми крепостными сооружениями. Этим он положил начало строительству Великой Китайской стены. Возводили ее, так сказать, всем миром, но не добровольно, а принудительно. Главной строительной силой были солдаты. Вместе с ними работали сотни тысяч заключенных.

Укрепляя внутренний порядок, Цинь Шихуанди продолжал отгораживаться от внешнего варварского мира. Мобилизованное население неумолимо строило Великую стену. Оставался китайский император и завоевателем. Он затеял войны в Южном Китае, на землях, не входивших в число семи царств. Расширив свои владения на юге, Шихуанди двинулся дальше и покорил древнейшие государства Вьетнама, которые назывались Намвьет и Аулак. Туда он насильственно переселял колонистов из Китая, что вело к частичному смешению этносов.

Цинь Шихуанди основательно занялся внутренними делами государства. Ему приписывают такой лозунг: «Все колесницы с осью единой длины, все иероглифы стандартного написания». Это означало принцип единообразия буквально во всем. Как известно, к стандартизации, в частности мер и весов, стремились и древние римляне. И это было очень разумно, потому что способствовало развитию торговли. Но в Риме, при всей тяге к порядку и дисциплине, сохранялись и элементы демократии: Сенат, выборные государственные должности и так далее.

В великой же древневосточной империи единообразие поддерживало прежде всего ничем не ограниченную центральную власть. Император был объявлен сыном неба. Появилось даже выражение «мандат неба» – мандат от высших сил на абсолютную власть над каждым человеком.

Забываясь о единообразии, Цинь Шихуанди создал целост-

ную сеть дорог. В 212-м до н. э. он приказал провести дорогу с севера на восток, а затем прямо на юг, в столицу. Причем проложить ее было велено прямо. Исполняя приказ, строители прорубали горы и перебрасывали мосты через реки. Это была грандиозная работа, посильная только для мобилизованного населения тоталитарного государства.

Император ввел единую систему написания иероглифов (в покоренных царствах письменность несколько различалась) и общую систему мер и весов. Но наряду с этими благими деяниями была и организация единой системы наказаний. Легисты утверждали: «Разуму народа можно доверять настолько же, насколько и разуму ребенка. Ребенок не понимает, что страдание от малого наказания – это средство получить большую пользу».

Новой столицей император сделал город Сяньян, недалеко от современного Сианя, к юго-западу от Пекина, в центре современного Китая. Туда была переселена высшая знать из всех шести царств – 120 000 семей. Всего в столице проживало около миллиона человек.

Всю территорию государства поделили на 36 административных округов, чтобы прежние границы царств были забыты. Новое деление никак не соотносилось ни с былыми границами, ни с этническими особенностями населения. Все держалось исключительно на насилии.

Ни одному человеку в империи не разрешалось иметь личное оружие. Его у населения отобрали, а из полученного

металла отлили колокола и 12 гигантских статуй.

А в 213 году до н. э. был принят закон об уничтожении книг. Его энтузиастом был Ли Сы. Он считал важным, чтобы люди забыли об учености и никто не вспоминал о прошлом, чтобы избежать дискредитации настоящего. Историк Сыма Цянь приводит текст обращения Ли Сы к императору. Придворный с возмущением сообщает: «Услышав об издании указа про книги, эти люди тут же начинают обсуждать его исходя из своих собственных идей! В душе они его отрицают и занимаются пересудами в переулках! Они делают себе имя, понося начальство». Все это считалось недопустимым. У людей не должно быть никаких собственных идей, а решения властей не следовало обсуждать.

Вывод Ли Сы таков: мириться с таким положением нельзя, так как оно чревато ослаблением правителя. Надо сжечь все книги, хранящиеся в императорских архивах, кроме хроники династии Цинь. Следует изъять тексты Шицзин и Шуцзин – древние гимны и исторические документы, объединение которых приписывают Конфуцию, – и сжечь их без разбора. Уничтожению не подлежат только книги, посвященные медицине и гаданиям. «Тот же, кто пожелает учиться, – пишет Ли Сы, – пусть берет в наставники чиновников».

И конечно же необходимо казнить всех, кто осмелится говорить о Шицзин и Шу-цзин, а тела казненных выставлять на торговых площадях. Если же кто-либо будет критиковать настоящее, ссылаясь на прошлое, и хранить запрещенные кни-

ги, его надо казнить вместе со всей семьей, причем уничтожить три поколения, связанные с этим человеком.

Приблизительно через полвека после смерти Шихуанди в стене одного из старых домов нашли замурованные книги. Погибая, ученые прятали их, надеясь сохранить знание. Так не раз бывало в истории: правитель истреблял ученых, но культура со временем возрождалась. И Китай при династии Хань, утвердившейся на престоле после преемников Шихуанди, вернулся к идеям Конфуция. Впрочем, великий мудрец вряд ли узнал бы себя в новых пересказах. Его философия была во многом основана на патриархальных мечтах о справедливости, равенстве, на вере в возможность перевоспитать правителя. После господства легизма неоконфуцианство впитало идею незыблемости порядка, естественного деления людей на высших и низших и необходимости сильной центральной власти.

Чтобы провести в жизнь свои законы, Цинь Шихуанди создал целую систему жесточайших наказаний. Виды казни для порядка были даже пронумерованы. Причем убить человека ударом палки или проткнуть копьем – это легкие способы казни. Во многих случаях требуются другие, более изощренные. Император постоянно ездил по стране, лично следя за исполнением своих решений.

Повсюду возводились стелы с надписями такого, например, содержания: «Великий принцип управления страной прекрасен и ясен. Его можно передать потомкам, и они будут

следовать ему, не внося никаких изменений». На другой стене появились такие слова: «Надо, чтобы повсюду теперь люди знали, чего нельзя делать». Стелы Шихуанди – квинтэссенция деспотизма, основанного на запретительно-карательной системе тотального контроля.

Шихуанди построил для себя гигантские дворцы и приказал соединить их запутанными дорогами. Никто не должен был знать, где в данный момент находится император. Он всегда и всюду появлялся неожиданно. У него были основания бояться за свою жизнь. Незадолго до его кончины были один за другим разоблачены три заговора.

А умирать Шихуанди не хотел. Он верил, что можно найти эликсир бессмертия. Чтобы добыть его, были разосланы многочисленные экспедиции, в том числе к островам Восточного моря, видимо в Японию. Об этой далекой и труднодоступной земле в древности ходила всяческая молва. Поэтому было нетрудно поверить, что эликсир бессмертия хранится именно там.

Узнав о поисках эликсира, уцелевшие ученые-конфуцианцы заявили, что это суеверие, подобного средства не существует. За подобные сомнения 400 или 460 конфуцианцев были по приказу Шихуанди живыми зарыты в землю.

Так и не получив вожеленного эликсира, Цинь Шихуанди сосредоточил главное внимание на своей гробнице. Трудно сказать, была ли у него в действительности идея, чтобы вместе с ним похоронили его гигантскую армию, и пришлось

ли уговаривать императора заменить живых воинов терракотовыми.

Цинь Шихуанди умер в 210 году до н. э., во время очередного объезда владений. Его уверенность в том, что установленный порядок незыблем, не оправдалась. Крах системы наступил очень быстро после его смерти. Ли Сы обеспечил самоубийство прямого наследника – старшего сына императора Фу Су, а затем добился того, чтобы все сыновья и дочери Шихуанди были уничтожены один за другим. С ними было покончено к 206 году. Жив остался лишь его ставленник Ли Сы, младший сын Шихуанди Эр Шихуанди, которого Ли Сы считал марионеткой, игрушкой в своих руках.

Но главный евнух дворца сумел расправиться с самим Ли Сы. Бывшего всесильного придворного предали казни по всем тем правилам, которые он пропагандировал и насаждал, причем по четвертому, самому чудовищному варианту. Очень поучительная история для злодеев...

В 206 году до н. э. был убит и второй император Эр Шихуанди. В стране развернулось мощное движение социально-го протеста. Ведь население уже много лет страдало от жестоких порядков и роста податей. Дошло до того, что у каждого человека изымалась примерно половина дохода. Начались народные восстания, одно из них, как ни удивительно, оказалось успешным. Династия Хань, следовавшая за династией Цинь, – это потомки одного из победителей, возглавившего грандиозное народное движение.

А в 1974 году китайский крестьянин обнаружил в одной из деревень в районе города Сиань, недалеко от бывшей столицы Шихуанди, фрагмент глиняной скульптуры. Начались раскопки – и было найдено 8000 терракотовых солдат, каждый высотой примерно 180 сантиметров, то есть нормально-го человеческого роста. Это была Терракотовая армия, сопровождавшая первого императора в последний путь. Захоронение самого Цинь Шихуанди пока не вскрыто. Но археологи считают, что оно находится там же.

Первый император Китая стал героем многочисленных книг и фильмов. Надо сказать, что он очень полюбился фашистам, которые по сей день лепят из него свой идеал, забывая, как дорого обошелся стране созданный им порядок и насколько недолговечен он оказался.

Средние века

Алиенора Аквитанская. Бабушка средневековой Европы

Почему «бабушка»? Конечно, это метафора, и все-таки большая доля правды в ней есть. Потому что ее внуки, а затем и правнуки правили во многих государствах Западной Европы. В Англии, во Франции, на Сицилии (Сицилийское королевство), в Германии, в Кастилии – всюду были ее потомки. Эта женщина уникальна во многих отношениях и в этом, плодовитости, тоже. Она родила десятерых детей от двух королей – французского Людовика VII и английского Генриха II Плантагенета. Капетинги и Плантагенеты – а между ними Алиенора Аквитанская, дочь герцога Аквитании Гийома.

Аквитанский дом считался, и совершенно справедливо, пристанищем поэтов, трубадуров. Ее дед – поэт, отец – тоже поэт. Это особый край, юго-запад Франции, насыщенный солнцем, красками, яркой мощной растительностью, прекрасными виноградниками и, конечно, вином. Здесь всего в избытке, и радость бытия бьет через край. Герцогство Акви-

танское огромное, самое большое во Франции в те времена и, очевидно, самое богатое. И вот в 1152 году, после смерти герцога Аквитанского, оно становится приданым Алиеноры, пятнадцатилетней девочки, скажем от себя – роскошным приданым. Алиенора – завидная невеста, от претендентов нет отбоя, короли, герцоги выстраиваются в ряд. Еще и потому, что она была официально признана первой красавицей Европы. Европа внимательно следила за ней и ее потенциальными женихами.

Почему ее звали так необычно – Алиенора? Дело в том, что, когда она родилась, в семье уже была Элеонора. Поэтому ее называли «Другая Элеонора», от слова *alienus* – «другой, иной».

Итак, на редкость завидная невеста, красавица ждет жениха. И наконец его имя называют – это Людовик VII, король французский из династии Капетингов. Европа недоумевает. Капетинги откровенно бедны в то время, их земли – Ильде-Франс – крошечное блюдечко между Парижем и Орлеаном. Когда французская знать выбирала первого Капетинга, учитывались многие факторы, в частности стремились, чтобы он не был сильнее других. Что-то подобное происходило и в России, когда выбирали Романовых. Начиная с 987 года Капетинги стали управлять Францией, хотя и не имели особенно сильной власти.

Постепенно ранние Капетинги шаг за шагом наращивали свое влияние. Особенно заметно это стало при Людовике VI,

прозванном Толстым. Его умный и образованный советник аббат Сугерий сумел всеми доступными ему средствами добиться брака сына короля, тоже Людовика, и блестящей «аквитанской невесты». Прямо во время свадебного пира, который проходил в Бордо, пришло известие о смерти Людовика VI. Получилось, что Алиенора вышла замуж не за принца, а за молодого короля – Людовика VII. И вот к такой крошке, Иль-де-Франсу, присоединилась огромная и прекрасная Аквитания.

Прошло тринадцать лет брака, она родила детей, но это были три девочки и ни одного мальчика. И король потребовал развода, официально объяснив свое требование неспособностью жены родить мальчика, наследника. Событие невероятное само по себе в Средневековье, а для королевской семьи – еще невероятней. Католическая церковь не допускала разводов. Но Людовик все-таки добился своего. В чем дело? Почему? Как можно было добровольно отказаться от жены-красавицы, от ее приданого – Аквитании? Ходила молва, что все дело в ревности, ревновал он ее столь сильно, что жизнь стала ему не мила, и потому все здравые доводы перестали действовать. И он добился разрешения папы уже под другим предлогом – якобы внезапно было обнаружено слишком близкое между их домами родство. Чепуха абсолютная! Во-первых, где же он был все эти тринадцать лет?! А во-вторых, все королевские дома Европы в какой-то мере были родственны между собой. Но... с папой удалось

договориться. И развод состоялся. Потеряна Аквитания. По феодальным законам того времени, родовые владения нельзя было отторгать, что свято соблюдалось. Только сыновья могли претендовать на ее земли. Сыновей не было. И она вместе со своей Аквитанией снова становится завиднейшей невестой Европы.

Напомню – ей двадцать восемь лет, и у нее одна забота – спрятаться, как бы ее кто не похитил, не выдал бы замуж насильственно. Она устала от семейной жизни, от постоянных беременностей, от этикета, от несвободы – у нее другой нрав, она Алиенора Аквитанская, этим многое сказано. И вдруг – граф Анжуйский Генрих, моложе ее на одиннадцать лет. Если в наши времена такая разница в возрасте супругов не слишком поощряется, то тогда это было неслыханно, греховно. Он же почти мальчик, какой он муж! Но вот тут настояла Алиенора, а в ней говорила любовь, возможно впервые испытанная, которая не знала преград. В 1152 году, очень скоро после развода с Людовиком VII, был заключен новый брак с Генрихом Анжуйским, союз, связанный страстным чувством.

Очень скоро оказалось, что он – антипод ее первого мужа. Тот был немного фанатичным в вере, много молился. Даже Крестовый поход для него – прежде всего не война, а паломничество в Святые земли... Как-то у Алиеноры вырвались слова о том, что Людовик VII – скорее монах, чем король. А страстная аквитанка искала в мужчине чего-то другого. И

это другое она находит в графе Анжуйском. Через два года, в 1154 году, он становится английским королем Генрихом II, а это значит, что Алиенора снова королева, теперь королева Англии.

Генрих Анжуйский не был сыном короля. Его мать – Матильда, наследница английского престола из первой норманнской династии, заключила договор со своим соперником, Стефаном Блуаским. Согласно этому договору, она отказывалась от притязаний на престол в пользу своего сына, Генриха Анжуйского. Эту перспективу, возможно, Алиенора принимала во внимание. Герцогская корона ей дана была от рождения, французскую она носила целых тринадцать лет, а теперь второй брак сулил ей корону английскую. И все-таки есть много оснований предполагать, что между Алиенорой и Генрихом Анжуйским, который в Англии стал править как основатель династии Плантагенетов, была страстная любовь. И главное доказательство этому – бешеная ненависть, которая пришла ей на смену.

Поначалу они неразлучны. Она участвует в государственных делах, подписывает документы, что было, кстати, не принято, они вместе принимают послов, гуляют по паркам, скачут на лошадях, всюду звучит их смех – супруги близки как никогда и счастливы. Одна беременность следует за другой, Алиенора рождает мальчиков! Европа в изумлении застывает, а потом, вероятно, раздражается смехом – совсем недавно первый ее муж официально заявлял, что она не спо-

собна родить наследника. И вот – пожалуйста, пять мальчиков подряд, один, правда, умирает в младенчестве. Она полностью реабилитирована. Но Генрих Анжуйский, совсем недавно такой любящий, начинает изменять Алиеноре и решает заточить надоевшую жену в отдаленном замке. Она провела в этом относительно почетном заключении целых шестнадцать лет.

Считается, что причиной была ее ревность к любовнице короля Розамунде. Очевидно, как когда-то ее первому мужу, это чувство не давало Алиеноре жить, стала тем кошмаром, от которого она не могла избавиться. Наверное, и Генриху приходилось нелегко, потому-то он и заточил ее в замке. Конечно, не в цепях она была и не в подвале – у нее был даже свой маленький двор, своя свита, но ее лишили того, без чего ей было невозможно жить – свободы. И еще одна непереносимая для этой женщины потеря – отсутствие общества. А потребность быть на людях, участвовать в разговорах, красоваться, обольщать – все это было свойственно Алиеноре Аквитанской в высшей степени. Потребность эту она сохранила всю свою долгую жизнь. А прожила наша героиня семьдесят два года. Уникальный случай! Она не превратилась в дряхлую старуху, а была активна, деятельна, рассудительна до самого последнего вздоха. Когда ей было почти 80, она совершила путешествие за Пиренейские горы к своей внучке Бланке Кастильской. Бабушка забрала ее с собой во Францию и просватала за французского принца, будущего

Людовика VIII. Брак состоялся, и Бланка Кастильская родила французам, наверное, самого замечательного средневекового правителя, Людовика IX, имевшего прозвище Святой (а такие прозвища случайно не даются).

Продолжу рассказ об уникальности Алиеноры. Родить десятерых детей – нечастое явление в королевских семьях. В восемьдесят лет путешествовать за Пиренеи отправится далеко не каждый – это совершенно очевидно. Носить три короны на одном веку – кто еще может этим похвастать? Алиенора прожила несколько жизней, как минимум три – одну во Франции, другую в Англии, третью в изгнании. Она была свидетельницей самого расцвета рыцарского века. И, думаю, именно Алиенора и ее любимый сын, Ричард I Львиное Сердце, стали символом женского и мужского начал в рыцарстве.

Ричарда Алиенора вырастила в Аквитании, обожала его с самого рождения, и он в юности очень ее любил. Трубадуры в честь своей правительницы слагали стихи и пели песни. Она прекрасно владела несколькими языками, знала риторику. Когда ей надо было бороться за освобождение своего сына из плена, она писала папе римскому: «В то время как мой сын, подобно Ахиллу, сражался под стенами Аккры, коварный Филипп Французский покинул его как предатель...» Так все и было, один сражался, другой покинул, но – какой стиль! Античный. На память приходит Гомер.

Ее молодость – зенит западноевропейского Средневеко-

вья. Рождается рыцарская литература, появляется роман о Тристане и Изольде, творит Кретьен де Труа. Но, как известно, после зенита движение возможно только вниз. Закат рыцарского века уже недалек. И жизнь, личная жизнь Алиеноры, ее судьба как раз пришлись на этот взлет и падение, стали олицетворением их. Уже Филипп II Август во Франции осмелился попирать рыцарские идеалы, когда они помешали реальной политике. И Иоанн Безземельный, младший сын Алиеноры Аквитанской, пытается делать то же самое, хотя мало что умеет, демонстрируя вырождение рыцарства внутри семьи. Вообще, Иоанн – фигура для нее трагичная. Он родился неожиданным, последним, и был он не таким статным, красивым, как его братья. Ричард Львиное Сердце с могучей гривой огненно-золотых волос, красив как Бог, в бою – как лев отважен и силен, первым бросался на врагов, был страшен в индивидуальном бою, не ведал страха. И вместе с тем – маменькин сыночек. Она повезла Ричарда в Аквитанию, подальше от английского двора и там, среди стихов и песен трубадуров, ласкала, растила его. И он усвоил с младенчества поэзию и рыцарское поведение, став рыцарем не только внешне, но и по убеждению.

Интересно, что жизнь Алиеноры Аквитанской – истинный роман, увлекательный, полнокровный, яркий – в литературе, в искусстве примитивно и грубо упрощается. Мне всегда казалось это странным. Чего стоит только одно ее участие во Втором крестовом походе! Она проскакала большую

часть пути верхом, какую-то часть ехала на повозках, но ведь от Парижа до Иерусалима около шести тысяч километров! Невероятная женщина! Во время Третьего крестового похода, одним из вождей которого был Ричард Львиное Сердце, она женила своего львиного рыцаря на Беренгарию Наваррской, снова не побоявшись отправиться в неблизкий путь за невестой. А дальше – многолетнее заточение. Как только умер Генрих II, взошедший на престол Ричард I ее освободил. Она вернулась несколько не усталой, не сломленной и сразу окунулась в жизнь активную – политическую и личную.

Позже в кино, литературе, театре ее представляют совсем не такой. Вот пьеса Джеймса Голдмена «Лев зимой». Генрих Плантагенет показан на склоне лет, ему около пятидесяти – для Средневековья старик. Ей шестьдесят три. Но она – молодая женщина и выглядит лучше его и чувствует себя бодрее, чем его очень огорчает. У нее, видимо, было железное здоровье – это отмечали очевидцы ее участия в Крестовом походе. Но в пьесе показана лишь одна грань ее характера, поведения и всего два дня жизни – Рождество 1183 года. Голдмен, который очень старается следовать исторической правде, смотрит на нее глазами главного персонажа – Генриха. Не того молодого, который страстно любил ее, а престарелого, измученного жизнью, уже пережившего свое чувство и ненавидящего супругу. В жизни она оказалась сильнее его. Оптимистичнее, смелее и значительнее. Это простить муж-

чина вряд ли может. Генрих ненавидит ее открыто, зло называя Медузой Горгоной. К ней плохо относятся и сыновья, которые ссорятся из-за престола, не зная, кому из них она станет помогать. Но это – совсем маленький кусочек жизни, взятой вне всего жизненного контекста. А такой взгляд – всегда нарушение правды. Нет ни трубадуров, ни Крестового похода. И в этой стареющей и не желающей стареть женщине совершенно не проглядывает та, молодая Алиенора. В жизни – все не так. Лучшая книга о ней написана француженкой Режи́н Перну, но это не вполне художественное произведение. Книга вышла на русском языке в 2001 году, и я очень советую ее прочесть.

Кроме официальной литературы и науки, которые ею занимаются, есть еще и молва об Алиеноре Аквитанской. Эти народные толкования иногда даже более интересны, ведь «нет дыма без огня». Мифы и легенды о ней начали слагать еще при ее жизни. Все они ее осуждают и в целом рисуют образ негативный. Во время Крестового похода она, мол, время от времени скакала впереди крестоносного войска, окруженная своими фрейлинами, в костюме амазонки. А это значит, что одна грудь должна была быть обнаженной. Для Средневековья это безнравственно. И мало того – сидела на лошади не боком, как подобает женщине, а верхом, и не в дамском седле... Нехорошо, некрасиво. Рассказывали, что у нее было несколько романов. Например, с бароном Жоффруа де Ранконом – знатным, видным, красивым, но оснований для то-

го, чтобы поверить этому – а Режин Перну очень тщательно изучала множество самых разных материалов – нет. Молва, и все. А уж коннетабль Аквитании Сель де Брейль – это вообще вряд ли. Перну совершенно справедливо пишет, что он ниже ее рангом, для нее это было важно, она же носительница трех корон!

Наиболее подходящей по статусу фигурой мог быть ее молодой дядя Раймунд де Пуатье. Он красив и отважен, а это нравится женщинам. Встретившись во время Крестового похода, они много времени провели вместе. Но это могло значить совсем не то, что приписывала молва. Дело в том, что в детстве дядя часто бывал в их доме, она прыгала у него на коленях, а он играл с ней, маленьким ребенком. С тех пор они долго не виделись. Встреча с человеком, которого помнишь с детства, вызывает особые, очень теплые, почти родственные чувства. И доказать, что тут непременно разврат, – невозможно, да и нет таких доказательств.

Само ее появление в Париже, возможно, возмутило парижан – она уже пришла с некой молвой. На роскошном бракосочетании в Бордо они увидели очаровательную пятнадцатилетнюю девочку в пурпурном платье, красивую, яркую, совсем не забитую, не смирную и не стеснительную. Они-то представляли ее бледной, печальной, со слезами на глазах из-за разлуки с родиной... Ничего подобного! Она приезжает из мира солнца, вина, куртуазии, где, кажется, нет места унынию и печали, в Париж, который по сравнению с ее

родиной – край северный, строгий, холодный. Юг и север Франции – Лангедок и Лангедойль – очень отличались друг от друга по культуре вплоть до XIII века. По существу, это были две цивилизации. Юг испытал гораздо большее влияние римлян, чем север. И кроме того, Париж вовсе не был затронут арабским влиянием. Северу был чужд Восток с его поэзией, гортанными языками, с его музыкой, тяготением к роскоши, шелкам, мехам, духам... И вот юная особа, выросшая в этой атмосфере, приезжает в Париж. Молва вполне естественно не одобряет ее, Алиенора со своими куртуазными привычками должна была показаться в Париже развратницей. Такой и показалась.

А потом – еще дальше на север, в Лондон, куда она прибывает королевой английской. Здесь традиция еще более строгая, чем в Париже, в ней сплелось англосаксонское наследие с норманнским, а Нормандия и ее жители – все-таки потомки суровых и бесстрашных викингов. Она прибывает в другой, суровый мир, довольно мрачный и холодный, а главное – совсем непохожий на ее родину.

Уместно будет вспомнить, что Аквитания, эта прекрасная земля, долго была независимой. Ее жители мужественно и самоотверженно боролись, стараясь сохранить свои самостоятельность и самобытность. Лишь в результате Альбигойских войн XIII века север, наконец, расправится с этой цивилизацией. Алиенора, ушедшая из жизни в самом начале XIII столетия, оставалась аквитанкой – она впитала все соки

этого края и никогда в своей жизни не изменяла особенностям, там приобретенным.

И вот народная молва творит образ Алиеноры. Какой? Она меняет любовников, отравила Розамунду, возлюбленную своего мужа Генриха Английского... Отравила ли? Никаких доказательств нет, но слухи упорно ходят. А как же?! Розамунда своя, из Уэльса. А эта – чужая, иноземка, разведенная жена французского короля. Молва враждебна к ней изначально. За то, что она из Южной Франции, за то, что манеры не те, за то, что во время Крестового похода скакала не так, как положено, за то, что в походе у нее было очень много повозок с плащами, меховыми воротниками, платьями, и она их меняла, несмотря на усталость и невероятные трудности... Но она Алиенора Аквитанская, и у нее свой собственный стиль. Ну как могла она в Константинополе не появиться в роскошном наряде? Ведь это византийский двор, император принимает их торжественно и пышно. Она, воспитанная в Аквитании, считает, что надо пышностью ответить и посостязаться с ней. А традиция севера Франции и Англии – другая, здесь царит дух умеренности и непритязательности. Здесь мужчины одеты в кольчуги, в дорожные грубые плащи, они неделями не слезают с седла, рубятся тяжелыми грубыми мечами, а на их лицах – выражение суровое и непреклонное. А она не похожа на людей севера ни внешностью своей, ни выражением лица, ни улыбкой. Остается только изумляться, как можно было в совершенно ином, чуждом мире

оставаться самой собой! И в этом ее уникальность.

И тут, надо признать, – аквитанская закваска оказалась очень мощной. Не зря именно в этом крае куртуазии и рыцарства была сложена знаменитая «Песнь о Роланде», великий рыцарский эпос. Не зря именно там прижилась «альбигойская ересь». Этот край тяготел к большему вольнолюбию, открытости, взаимодействию культур. Именно туда с востока через Пиренейский полуостров прибывают знаменитые врачи, например Авиценна. Там роза ветров европейских культур.

И снова вернусь к Алиеноре. Конечно, это личность неоднозначная. Сильный характер, воля, одаренность природы делали ее человеком не простым, экстраординарным. И потому отношения ее даже с самыми близкими людьми складывались трудно. Когда сыновья были детьми, она их любила, одного больше, другого меньше. Когда они выросли, все изменилось. Оказалось, что перед ней – люди с характером, не желающие становиться пешками в чужой игре. Все, включая бездарного Иоанна, были способны действовать самостоятельно. Сыновья дрались за власть. А уж если кто их и стравливал, так точно не Алиенора, а французский король Филипп II по прозвищу Август, сын от третьего брака того самого Людовика VII, который много лет назад развелся с Алиенорой.

Он мог бы быть сыном Алиеноры! Удивительный французский король, прозвище Август тоже случайно не полу-

чают. Начав править в 1180 году, он получил очень урезанную за счет английских владений Францию, а завершил свое правление в 1223-м, имея территорию в два раза большую, отвоевав английские эти самые владения во Франции. Каким образом это удалось? Хитростью и подначиванием сыновей Генриха II и Алиеноры Аквитанской. Вот кто виртуозно владел придворными интригами, был редкостным лицемером и выдающимся для своего времени дипломатом! Он по очереди дружил с каждым сыном Алиеноры и предавал их в самую решающую минуту. Все Плантагенеты – старший сын Генрих, второй – Жоффрау, а также Ричард Львиное Сердце и Иоанн Безземельный – в какой-то момент своей жизни понимали, что обмануты Филиппом. Оказалось, дети Алиеноры – люди довольно простодушные и доверчивые. Например, с Ричардом Львиное Сердце, истово и искренне стремившимся на Восток, Филипп II играл роль верного крестоносца. И вдруг этот ближайший и любимый Ричардом человек тайком убегает из-под стен Аккры, оставляя его одного. Ужас! Я представляю себе лицо Ричарда – он понимает, что надо мчаться в Европу, потому что Филипп отнимет принадлежащие английской короне французские земли. А как убежать, тут войско?! Что скажут о нем, великом рыцаре, его воины!

Так же предательски поступил Филипп и с Иоанном Безземельным. Иоанн никому не верит, особенно матери, которая хочет открыть ему глаза на французского короля. Он

уверен, что Филипп – его главный заступник. Дело кончается, как всегда, предательством. Филипп вызывает Иоанна Безземельного в суд по обвинению в убийстве своего племянника, Артура Бретонского. Обвинение состряпано по слухам, никаких доказательств нет. Хотя Шекспир полностью принимает эту версию, считая ее доказанным фактом. «Ты причастен к убийству, явись на суд» – вот требование, предъявленное Иоанну. Совершенно потрясенный, он отказывается явиться, и тогда Филипп II Август снимает маску окончательно. Он начинает военные действия и отвоевывает значительные земли у англичан. Известие о падении в 1204 году замка Шато Гайяр, столь любимого Алиенорой, стало для нее смертельным ударом. По ее просьбе Ричард Львиное Сердце был впоследствии похоронен рядом с ней.

Авиценна. Целитель, мудрец, странник

Его имя Ибн Сина, но Европа зовет его Авиценна. Не злодей, не герой. Я бы сказала: интеллектуальное чудо. А его жизнь – словно перелистываешь страницы «1001 ночи». Он родился в 980 году, умер – в 1037-м. Много ездил, жил в разных местах. Скончался где-то в Иране, там и похоронен. Чем славен этот человек в истории?

Величайший медик, сравнимый с Галеном и Гиппократом, выдающийся естествоиспытатель уровня Галилея, математик, физик, химик, специалист по физиологии животных. А еще он занимался теорией музыки, и его познания в этой области пригодились в эпоху Ренессанса. Трудно перечислить все таланты этого человека. Подчас природа являет свои чудеса, чтобы не забывали о ее могуществе, и тогда рождаются Авиценны.

Микеланджело считал, что «лучше ошибиться, поддерживая Галена и Авиценну, чем быть правым, поддерживая других». Такая оценка, скорее морального свойства, из уст великого гуманиста многого стоит. Специалисты спорят о количестве трудов Авиценны, причем называются цифры и 90, и 456. Очевидно, ему приписываются подделки, подражания – талантам всегда подражают. Самая гениальная его книга –

«Канон врачебной науки». Но и другие труды вошли в историю, стали классическими – «Книга спасения», «Книга знания», «Книга указаний и примечаний», «Книга справедливого разбирательства»... Он был предвестником гуманизма, ибо его учение о человеке – это учение о единстве тела и души. И когда – в XI веке! Писал Авиценна в основном на арабском языке. Но это вовсе не означает, что он – часть арабской культуры. Наверное, с самого своего рождения он принадлежал всему миру, труды его становились достоянием всех цивилизаций.

И все-таки до сих пор спорят, чей он. Туркестан, на территории которого он родился, Узбекистан, Турция – все эти страны считают Авиценну своим достоянием. В Турции вышла не так давно монография «Ибн Сина – великий турецкий ученый». Персы в ответ заявляют: «Он наш. Он у нас похоронен. Он был при дворах эмиров». Его присутствие ощущается и в европейской культуре – уже с XII века о нем шла молва. Это был человек с всемирной известностью. И таким он остается сегодня. Когда в 1950-е годы отмечалось тысячелетие со дня его рождения, весь мир участвовал в праздновании. О нем написаны огромные тома, ученые до сих пор пользуются его мыслями, а обычные люди учатся у него мудрости.

Откуда мы знаем о человеке, который жил более тысячи лет назад? От него самого и его любимого ученика. И это, как кажется скептикам, дает почву для сомнений в его гени-

альности. Абсолютно беспочвенный скептицизм! Ибо молва, начиная с XI века бережно хранила память о его талантах, что и дало основание называть его гениальным ученым. Сохранился рассказ самого Авиценны о себе, о своем детстве. Остальное дописал Убайд аль-Джурджани, его любимый ученик, который провел с ним больше 20 лет жизни. Он сопровождал своего учителя, ведь Авиценна был бесконечным странником. Нигде не задерживаясь надолго, он шел по земле, стараясь как можно больше увидеть, узнать и понять. Гудящая, волнующая, одуряющая красками, запахами, звуками, безотчетно меняющаяся жизнь притягивала его, становясь не только мукой, радостью или печалью, но и предметом изучения. Он рассматривал ее словно под увеличительным стеклом и видел то, что не видели другие. Попробуем понять, почему в X веке могло появиться такое чудо, как Авиценна.

Напомним, что X век – это время крещения Руси, на престоле Владимир Святославич, четвертый русский князь. А там, на Востоке, – Возрождение. Что возрождалось? Да примерно то же, что и в Европе во времена Каролингского Возрождения IX–X веков. Тогда при дворе Карла Великого, при дворе германских императоров Оттонов впервые после войн и хаоса Великого переселения народов интеллектуальная элита обратилась к истокам своей культуры, к античности, к рукописям – греческим, римским.

И примерно то же самое было на Востоке. В том культур-

ном контексте, который породил Авиценну, сплелись местные традиции с наследием античным, образуя особый эллинистический вариант синтетической культуры. Авиценна родился близ Бухары. Известно, что по этим местам, чуть севернее, прошел великий Александр Македонский. Именно в Согдиане он устроил знаменитые 10 тысяч браков своих полководцев и воинов с местными восточными женщинами. Интересно, что только Селевк, один из сподвижников Македонского, сохранил свой брак и именно ему досталась самая большая часть державы. Вот эта держава Селевкидов и стала в IV веке до н. э. носителем эллинистической культуры, впитав античность. С 64 года н. э. эти края стали римской провинцией. А Рим, как известно, – прямой наследник античной греческой или эллинистической культуры. С III века начала формироваться Восточная Римская империя – Византия, которая находилась в тесном торговом и культурном взаимодействии с Востоком. Так сплетались разные культурные корни, но получалось, что все они испытали влияние античности. В результате именно здесь и оказались истоки будущего восточного Возрождения.

Поход арабских завоевателей был коротким, арабов быстро прогнали. Завоевание началось в VIII веке и в том же столетии в основном и закончилось. Но язык, как это бывает в культурных процессах, остался и стал универсальным языком. Когда арабское завоевание удалось одолеть, отстояв свою культуру, тогда и начинается Возрождение.

Авиценна был не один. Персидский Восток – родина Фирдоуси, Омара Хайяма, Рудаки. На самом деле в поэзии, литературе, архитектуре и медицине людей выдающихся, знаменитых было много. Возрождались традиции древней восточной медицины, в каждом городе открывались больницы – своеобразные лечебные и исследовательские центры, где не только врачевали, но и занимались научными изысканиями, опытами, исследованиями. Возникают библиотеки – хранилища рукописей. Интеллектуальная жизнь становится напряженной и могучей. Наступает та пассионарность духа, о которой говорил Лев Гумилев и благодаря которой становится возможным прорыв в будущее.

Авиценна (его полное имя – Абу Али аль-Хусейн ибн-Абдаллах ибн-Сина) родился в богатой семье. Отец, Адаллах ибн-Хасан, был сборщиком податей. Не самая уважаемая профессия, можно сказать, мытарь. Но при этом богат, образован, видимо, неглуп. Известно, что умер отец Авиценны собственной смертью, никто его не убил, не зарезал за злодеяния. Мать Ситара (что означает «звезда») происходила из маленького селения близ Бухары Афшана. В этом селении и появляется на свет Авиценна. Так звезда родила звезду.

Его родным языком был фарси-дари – язык местного населения Средней Азии. На фарси он писал четверостишья – газели, как их называли на Востоке, – по его выражению, для «отдохновения души».

Городок, в котором он родился, был оживленным, с боль-

шим шумным базаром, куда стекалась уйма народа. Здесь были больницы и школа, в которой мальчик начал учиться, очевидно, лет с пяти, потому что к его десяти годам выяснилось, что в школе ему уже делать нечего. Там изучали языки – фарси и арабский, грамматику, стилистику, поэтику, Коран, который Авиценна к 10 годам знал наизусть. Это был так называемый гуманитарный класс. Мальчик еще не приступил к изучению ни математики, ни тем более медицины. Со временем он скажет: «Медицина – очень нетрудная наука, и к шестнадцати годам я ее освоил полностью».

Конечно, в его словах можно усомниться – мало ли что может сказать про себя человек? Но семнадцатилетнего Авиценну ко двору призывает сам эмир, прося исцелить от серьезного заболевания. И Авиценна ему действительно помог. Необычный был мальчик.

В доме его отца собирались ученые люди, исмаилиты – представители одного из течений в исламе. Их рассуждения были очень похожи на ересь, со временем их и признали еретиками. Они хотели очистить Коран от невежественных наслоений, призвав на помощь философию. Опасное занятие. Маленький Авиценна присутствовал при этих беседах, но повзрослев, не принял исмаилитский образ мышления. А вот его брат увлекся этими взглядами. Авиценна же официально остался в рамках ортодоксального ислама, хотя ортодоксом никогда не был.

Итак, к десяти годам в школе ему делать было особенно

нечего. И вот – счастливый случай! Отец узнает, что в Бухару приезжает известный ученый того времени Патолли, тут же едет к нему и уговаривает поселиться в его доме. Он обещает кормить его, хорошо содержать и вдобавок платить ему жалованье с условием, что ученый станет заниматься с мальчиком. Патолли согласился, и занятия начались. Очень точно сказал о годах своей учебы сам Авиценна: «Я был лучшим из задающих вопросы». И опять ему можно поверить, занятия с Патолли это подтверждают. Довольно скоро ученик стал задавать седобородому учителю такие вопросы, на которые тот ответить не мог. А вскоре Патолли сам стал обращаться к Авиценне, к маленькому Хусейну, за разъяснениями самых трудных мест из Евклида и Птолемея, и они уже вместе искали ответы.

В 15–16 лет юноша стал учиться сам. Его озадачила книга Аристотеля «Метафизика», которая там, в далекой Средней Азии, была переведена на несколько языков и неоднократно прокомментирована. Авиценна рассказывает, что он не мог постичь эту книгу, хотя, читая много раз, почти выучил ее наизусть. Судя по его рассказам, а потом по воспоминаниям его учеников, чтение и письмо были главными занятиями его жизни, и он наслаждался ими, являя собой тип высочайшего интеллектуала, которых время от времени порождает человечество. Об аристотелевском сочинении юноша узнал совершенно случайно. Однажды на базаре, рассказывал сам Авиценна, когда он бережно перебирал свитки,

книги, рукописи, книготорговец вдруг сказал ему: «Возьми вот это замечательное произведение, комментарии к “Метафизике” Аристотеля некоего Фараби, восточного мыслителя, философа. Увидишь, какое это сокровище». Мальчик схватил эту книжку, это было то, что он подсознательно хотел найти. Авиценна был поражен, ему открылось то, над чем он сам тщетно бился. Тогда-то он и назвал Аристотеля своим учителем, проникся его представлениями о мире, мыслью о единстве и целостности бытия, сознания и духа, воспринял аристотелевские идеи о форме нашей земли, ее устройстве.

И шестнадцатилетний юноша начал заниматься... медициной. Разумеется, напрямую «Метафизика» Аристотеля к этому не толкала, а косвенно – да. Возможно, мысль Аристотеля о единстве материального, телесного и духовного оказалась для Авиценны определяющей, настолько важной, что привела его к делу всей жизни.

Когда Авиценна излечил эмира Бухары, тот разрешил ему пользоваться своей библиотекой. Надо сказать, что Авиценна лечил бесплатно, и награды более ценной для него не существовало. Книги, рукописи и свитки хранились в сундуках, в каждом – по какому-нибудь одному предмету или науке. И сундуки эти занимали много комнат. В городе говорили, что он просто с ума сошел от счастья. В своих воспоминаниях Авиценна написал, что «видел такие книги, которые потом не видел никто». Почему? Скоро библиотека сго-

рела. И злые языки распускали слухи, что это он, Авиценна, сжег библиотеку, чтоб никто больше не прочел эти книги и не смог сравниться с ним в мудрости. Трудно придумать большей глупости! Книги были для него святыней. Как мог он сжечь их!

С 18 лет Авиценна совершенно осознанно посвящает свою жизнь занятиям наукой. Он много пишет, и слава о нем крепнет. В 20 лет его приглашают на постоянную службу к хорезм-шаху Мамуну II в Хорезм. Мамун II был одним из лучших представителей сильных мира сего и, безусловно, лучший из тех, кого на своем пути встречал Авиценна. Этого правителя можно сравнить, пожалуй, с Лоренцо Великолепным. Он также собирал при дворе выдающихся людей, приглашал их отовсюду и не скупился в деньгах, считая развитие культуры и науки делом первостепенным. Он, так же как Лоренцо, создал кружок, который называли Академией Мамуна. Там шли постоянные диспуты, в которых принимали участие многие, в том числе и Бируни, но побеждал почти всегда Авиценна. Слава его росла, он много работал, его почитали, признавая во всем его авторитет. Он был счастлив.

И вот тут на горизонте его жизни появляется роковая фигура – султан Махмуд Газневи, создатель Газневийского султаната. По происхождению он был из числа гулямов, так назывались рабы-воины тюркского происхождения. Вот уж поистине из рабской грязи – в большие князи! Такие люди отличаются особенной спесью, обостренным честолюбием,

своеволием, распушенностью. Прослышав, что в Бухаре собран цвет культуры, Махмуд пожелал, чтобы весь этот ученый круг был отдан ему. Правитель Хорезма получил приказ: «Немедленно всех ученых ко мне» – туда, в Персию, в нынешний Иран – послушаться было невозможно. И тогда правитель Хорезма сказал поэтам и ученым: «Уходите, бегите с караваном, ничем больше я не смогу вам помочь...» Авиценна со своим другом тайком ночью бежали из Хорезма, решив перейти через Каракумскую пустыню. Какое мужество, какое отчаяние! Ради чего? Чтобы не пойти в услужение к Махмуду, чтобы не унизиться и показать: ученые не прыгают по команде, как дрессированные обезьянки.

В пустыне его друг умер от жажды – не перенес перехода. Авиценна выжил. Теперь он снова оказался в Западном Иране. Некий эмир Кабус, сам блестящий поэт, собравший вокруг себя великолепное литературное созвездие, радостно принял Авиценну. Как похожи между собой деятели Возрождения, будь то в Италии или на Востоке! Для них главное – жизнь духа, творчество, поиски истины. На новом месте Авиценна начал писать свой величайший труд «Канон врачебной науки». Жил он в купленном для него доме – казалось бы, вот оно, счастье! Но жажда к перемене мест, страсть к путешествиям, к новизне гнала его всю жизнь с мест насиженных и спокойных. Вечный странник! Он опять уходит, снова странствует по землям нынешнего Центрального Ирана. Почему не остался у Кабуса? Среди своего круга людей,

в собственном доме, не зная нужды и гонений? Мне не удалось понять его.

Около 1023 года он останавливается в Хамадане, что в Центральном Иране. Излечив очередного эмира от желудочного заболевания, он получает неплохой «гонорар» – его назначают визирем, министром-советником. Кажется, о чем еще можно мечтать! Но ничего хорошего из этого не вышло. Дело в том, что к службе он отнесся честно, тщательно вникал в детали и, как человек чрезвычайно умный и образованный, стал делать реальные предложения по части преобразования системы правления и даже войска – вот что удивительно! Но предложения Авиценны оказались совершенно не нужны окружению эмира. Там были свои министры обороны! Среди придворных плетутся интриги. Вспыхивает зависть и злоба – ведь врач всегда так близок к правителю!

Дело начинало принимать плохой оборот, стало ясно, что он в опасности. Некоторое время он скрывался у друзей, но ареста ему избежать не удалось. А тут сменился правитель, и сын нового правителя захотел иметь Авиценну около себя – слава его была слишком велика, а практические медицинские умения хорошо известны. Он провел в тюрьме четыре месяца. Заточение его не было безнадежно тяжким, ему разрешали писать. Выйдя на свободу, он вместе с братом и своим преданным учеником вновь отправляется в путь. И оказывается в глубинах Персии, Исфахане.

Исфахан – крупнейший город своего времени с населени-

ем около 100 тысяч человек, шумный, красивый и яркий. Авиценна провел там немало лет, став приближенным эмира Алла Аддаула. Снова его окружает культурная среда, снова проводятся диспуты, снова течет относительно спокойная жизнь. Здесь он очень много работает, много пишет, по объему больше всего написано именно в Исфахане. Ученики говорят, что он мог работать ночь напролет, время от времени освежая себя бокалом вина. Мусульманин, который взбадривает свой мозг бокалом вина...

Авиценна спешил. Как врач и мудрец он знал, что ему немного осталось жить и потому торопился. То, что он постигал тогда, в те давние времена, кажется невероятным. Например, писал о роли сетчатки глаза в зрительном процессе, о функциях головного мозга как центра, куда сходятся нервные нити, о влиянии географических и метеорологических условий на здоровье человека. Авиценна был уверен, что существуют невидимые переносчики болезней. Но каким зрением он их увидел? Каким? Он говорил о возможности распространения заразных болезней через воздух, сделал описание диабета, впервые отличил оспу от кори. Даже простое перечисление сделанного им вызывает изумление. При этом Авиценна сочинял стихи, написал несколько философских произведений, где ставил проблему соотношения материального и телесного. В поэзии Авиценны очень емко выражено его стремление видеть мир единым, целостным. Вот его четверостишие в переводе с фарси: «Земля есть те-

ло мироздания, душа которого – Господь. И люди с ангелами вместе даруют чувственную плоть. Под стать кирпичикам частицы, мир из которых создан сплошь. Единство, в этом совершенство. Все остальное в мире – ложь». Какие удивительные, глубокие и серьезные мысли! И какие грешные. Бога он понимал по-своему. Бог – творец, Он этот мир сотворил. И на этом, как полагал Авиценна, Его миссия закончилась. Думать, что Господь повседневно следит за мелочной суетой людей, участвует в их жизни, – это варварство. В этом были убеждены древние греки. Но Авиценна высказывает и еще более еретическую мысль: творение Бога было предначертано некой сверхбожественной силой. Что это за сила? Что имел в виду Авиценна?

Возможно, уже тогда он думал о космосе? Таким людям, как он, подобные глубокие мысли были свойственны.

После того как Авиценне удалось бежать через пустыню, он долго скрывался от султана Махмуда. Правитель активно разыскивал беглеца и даже разослал в 40 экземплярах что-то вроде листовки или предписания с рисунком, изображающим Авиценну. А судя по тому, что удалось реконструировать по его черепу, он был красавец, без каких-либо особо ярко выраженных восточных, азиатских или европейских черт. Махмуду так и не удалось вернуть Авиценну.

Преемник султана Махмуда Масуд Газневи в 1030 году послал свое войско к Исфахану, где находился Авиценна, и учинил там полный погром. Авиценна пережил настоящую

трагедию: был уничтожен его дом, пропали многие его труды. В частности, навсегда исчез труд в 20 частях «Книга справедливости». Это была одна из последних его книг. Может быть, как раз в ней содержались его итоговые, самые глубокие мысли. Но мы о них, видимо, никогда не узнаем. Не станут нам известны и обстоятельства его личной жизни – об этом нет упоминаний в воспоминаниях учеников или просто современников. Он писал о женщинах стихи, воспевающие красоту, гармонию и совершенство. И это – все.

Умер Авиценна в военном походе, сопровождая эмира и благодетеля своего Алла Аддаула. Как врач, он знал, что его организм исчерпал себя, хотя ему было всего 57 лет. Раньше он неоднократно лечил себя и излечивал. На этот раз Авиценна знал, что умирает, и потому сказал ученикам: «Лечить бесполезно». Похоронен он в Хамадане, там сохранилась его гробница. В 1950-е годы ее заново отстроили. Вот слова Авиценны перед смертью, переданные нам, потомкам, его учениками: «Мы умираем в полном сознании и с собой уносим лишь одно: сознание того, что мы ничего не узнали». И это сказал человек, с восторгом посвятивший познанию всю свою жизнь, энергию, молодость и здоровье.

Чингисхан. Безжалостный завоеватель мира

Начало кровавой дороги

Каждый школьник знает имя Чингисхан. На самом деле монгольского хана звали Темучин, по-монгольски Тэмуджин. Он родился в 1155 или в 1162 году – историки не единогодушны, умер 18 августа 1227-го. В 1206 году он основал Монгольское государство. Чингисхан – организатор завоевательных походов в Азию и Восточную Европу, великий реформатор и объединитель Монголии. Прямые потомки Чингисхана по мужской линии – Чингисиды. Все это можно прочесть в энциклопедии. Нас же интересуют подробности его жизни. Хотя, если вы спросите, какой след оставил этот человек в истории, я, не задумываясь, отвечу – кровавый.

Он из тех же мест, что и гунны, – какое-то поистине мистическое место в Монголии! Оттуда дважды поднимались страшные, сметающие все на своем пути силы... Завоевателей в жизни человечества было много, но ни вождь гуннов Аттила, один из величайших правителей варварских племен, когда-либо вторгавшихся в Римскую империю, ни

Александр Македонский, ни Бонапарт и никто другой из многочисленных претендентов на мировое господство не отличался такой неутолимой жадной жестокости, зверств и разрушения всего, что встречалось на пути, какая была у Чингисхана. Это была его страсть, его цель – уничтожить все, не столько взять, сколько уничтожить.

Очень страшно, что в XX веке его идеализируют и возвышают, как, например, в художественном фильме режиссера Синитиро Савай «Чингисхан: до самого конца земли и моря» (Монголия – Япония, 2007). Возможно, это какая-то тяга на генетическом уровне, на психофизическом, космическом, тяга к поклонению перед силой. Создатели фильма ищут что-то привлекательное в этой страшной личности. Ищут и находят – вот что самое печальное. Остановимся на нескольких эпизодах его жизни, которые так занимают кинематографистов. Например, на том, как он по смешному поводу убил брата Бектера – на охоте не поделили то ли рыбу, то ли маленького жаворонка. И вот из-за этого он со своим сводным братом Хасаром совершил такое злодейство. Конечно, в истории это – обычная ситуация. Каин убил Авеля из-за желания отстоять свое первенство. Но наше отношение к Каину явно отрицательное, людям всегда не нравится, когда брат убивает брата. А в фильме, и не только в нем, Чингисхан – герой. А убийство Джамухи? Да, они соперничали, но ведь были же побратимами, как же так? Если историки спорят, кто именно приказал сварить в огромном котле

пленников, Чингисхан или Джамуха, то мы усматриваем в этом зверство особого свойства. Здесь явно, говоря языком Стругацких, превзойден «нормальный уровень средневекового зверства».

Что же восхищает потомков? Да, Чингисхан завоевал территорию от Индии до Средней Азии. Затем отправился в европейские степи, вторгся на территории русских земель. Все знают о знаменитой битве на Калке 1223 года. И опять особые, изошренные зверства. Победители-монголы пировали на деревянном настиле, который положили на живых еще участников сражения, прежде всего на князей и вождей, умирающих людей...

Однако одна из задач наших – попытаться восстановить обстоятельства жизни и облик этого человека (хотя, на мой взгляд, человеком его можно назвать лишь условно), разобраться, что же с ним случилось и как такое могло быть. Источников о жизни Тэмуджина, Чингисхана, много. Самый главный – «Тайная история монголов, или Сокровенное сказание» («История» существует в русском переводе). Это эпическое повествование о Чингисхане и его роде написано близкими к хану людьми в середине XIII века, примерно через 13 лет после его смерти. Записанная на монгольском языке китайскими иероглифами (к тому времени монголы еще не создали своей письменности) рукопись предназначалась только для членов рода и хранилась в царской сокровищнице. Существует много ее переводов, в том числе

и на русский язык. Интересно, что найдена была эта «История» русским китаеведом Палладием Кафаровым в 1866 году. Отец Палладий, в миру Петр Иванович Кафаров (1817–1878), был человеком напряженной духовной жизни, талантливым ученым, членом тринадцатой Русской православной миссии в Пекине. Он является создателем китайско-русского словаря и транскрипционной системы. Найденную им «Историю» он же и перевел на русский язык.

Второй источник тоже чрезвычайно важный и серьезный – сборник летописей персидского историка начала XIV века Рашида ад-Дина. Его произведения считаются официальной историей монголов. В сборнике летописей есть элемент отстраненности, а потому он отличается более объективным взглядом на события, чем монгольские или китайские источники такого рода. К тому же арабская культура в те времена была на очень высоком уровне, уже существовали прекрасные традиции научного письма. Представляется, что этот автор использовал источники на монгольском языке, которые не дошли до нас, в частности «Золотую книгу». Арабские авторы Средневековья очень часто использовали древние рукописи.

И наконец, в нашем распоряжении документы официальной истории правившей в Китае до 60-х годов XIV века монгольской династии Юань. Последний правитель из династии Юань, напуганный антикитайским восстанием, бежал в Монголию, а к власти пришла основанная восставшими ди-

настия Мин. Таковы основные источники, которые дают возможность восстановить довольно подробную картину жизни Чингисхана и его окружения. Особенно пристальное внимание уделим его детству. Оно привлекало и средневековых авторов, ибо в детские годы закладываются основные качества характера.

Обстоятельства его рождения обрастали мифами, что естественно и очевидно для этой стадии развития общества. Считалось, что Чингисхан родился со сгустком крови в правой руке, и сгусток этот имел форму камня. Это сочтено было особым знаком, о чем и впоследствии много раз вспоминали. Лицо его светилось, волосы и глаза были слишком светлыми для монгола, а взгляд не по-детски пристальным. Объясняли это просто – род Темучина восходит к потомкам некоего небесного человека со светлыми глазами по имени Бодончар. Конечно же это был намек на божественное происхождение. Мать его рассказывала, будто ей являлся некто во время беременности и она видела в небесах какое-то свечение.

От мифов обратимся к фактам. Его отец – Есухей-богатур. Заметим, что времена Чингисхана, то есть XII век, – расцвет рыцарства, зрелое высокое Средневековье в Западной Европе. На Востоке же, в Монголии, царит совершеннейшее варварство. Богатур-богатырь – глава улуса, кочующей группы людей, большой семьи – пользуется уважением, умеет воевать, дает отпор соседям, у него есть небольшая дружина.

Представить себе, что римская фамилия вместе с рабами ко-чует по полям и равнинам, невозможно. Здесь же у каждого улуса существовали свои границы, нарушение которых вело к военным столкновениям. Мать Чингисхана была краси-вицей, ее имя известно – Оэлун. Ее Есухей-богатур похи-тил из племени меркитов. Нравы того времени ему это впол-не позволяли, в таком поступке не было ничего необычно-го. Но вот, что было неестественно: он отбил молодую кра-савицу, которая только что вышла замуж. Вот из-за этого об-стоятельства и возник вопрос о законности происхождения Тэмуджина. Кто был его отец? Есухей-богатур ли? Это му-чило Чингисхана всю жизнь. Может быть, меркитское семя уже было во чреве его матери, когда Есухей-богатур похитил ее? В юности, если хотели его унизить, оскорбить, говорили – «ты, меркитское отродье». Это считалось ужасным оскорб-лением. И конечно, у него на этой почве возник комплекс неполноценности. Мать намекала на его божественное про-исхождение, возможно, для того, чтобы этот комплекс маль-чик преодолел. Но это, видно, мало помогало – эти сомнения он пронес через всю жизнь.

Мстительность – одна из главных его черт, он был веч-ным мстителем. Оскорбления, полученные в юности, не да-вали ему покоя всю жизнь. Самая страшная его месть была татарам, одному из монгольских племен, которому, по иро-нии судьбы, дали название «монголо-татары». Есухей-бога-тур успешно воевал с ними, но однажды татары предложи-

ли ему выпить отравленный кумыс. Он выпил и умер. Месть татарам была как будто завещана Тэмуджину отцом, и он отомстил – татары были уничтожены. Ему приходилось всю жизнь помнить и о меркитах, с которыми он беспощадно расправлялся. Он копил обиды, никогда их не забывал, никогда их не прощал, казалось, он состоял из одной яростной, слепящей мести. Мстительность – это на всю жизнь.

Перед смертью Есухей решил найти своему сыну невесту. Ею стала десятилетняя девочка Борте. Став женой Чингисхана, она сыграет большую роль в его жизни. А пока родители договорились, что их дети поженятся, но не сразу, а в будущем. И тут умирает Есухей.

Со смертью отца улус распался. Тэмуджину было в то время девять лет. Его мать была женщиной с сильным и крепким характером, она как могла боролась, чтобы сохранить это объединение людей, ибо только большой семьей можно выжить в кочевье, но у нее ничего не получалось. Дружина Богатура, родные и близкие друзья уходили. И они имели на это законное право. Ведь человек, которому они приносили личную вассальную клятву, умер. Они имели право и возможность признать преемником сына Есухея, Тэмуджина, но очень уж не хотелось это делать. Шансы, что этот мальчик скоро станет отважным и сильным воином, способным повести за собой людей, были чрезвычайно малы. А ведь нужен именно такой вождь, чтобы спокойно жить, зная, что всегда сможешь дать отпор опасным соседям. И вот тогда-то, оче-

видно, чтобы оправдать свой отказ присягать сыну Богатура и уход из улуса, вассалы Есухея пустили слух о сомнительном происхождении Тэмуджина. У мальчика было три родных брата, все младше его – Хасар, Хачиун, Тэмугэ – и два сводных – Бэгтэр и Бэлгутэй. Все они входили в этот улус, поэтому шансы на возрождение рода были. Но на это требовалось время. А вассалы ждать не стали и ушли.

Очевидно, именно к этому, весьма плачевному периоду относится тяжелое для Тэмуджина событие. Он оказывается в плену у монгольского племени тайчиутов, они держат подростка в деревянных колодках – в фильмах этот эпизод обычно смакуют. А на самом деле Тэмуджин вместе с братом убили в ссоре молодого воина из этого племени. Вот вождь тайчиутов и заковал его в колодки. Так он жил не месяц и даже не год, а может быть, несколько лет. Вокруг него были рабы и скот. Этот период жизни повлиял на формирование его личности особенно катастрофически. Спустя много-много времени, когда этот самый Тэмуджин станет великим Чингисханом, он придумает законы – и их запишут с его слов, – среди которых будет и такой, лично выстраданный, для него – безусловный: «Монгола нельзя держать в рабстве».

Для того чтобы понять, как этот закомплексованный и не очень счастливый подросток превратился во властелина половины мира, надо припомнить, кто такие монголы в это время. Монголы – это одно из племен, которое дало название большой племенной группе, включающей в себя разные

народы, например, меркитов и татар. Точно так же среди германских племен, населивших будущую Францию, были не только франки, но и швабы, бургунды и другие. Франки оставляют им свое имя – и так рождается название государства. Большой племенной союз существует с середины VIII века, и именно с этого времени начинается его движение на Запад. В сущности, это одна из поздних волн Великого переселения народов.

Обратимся к событиям, предшествующим походу на Запад. Монголы не были сильным и воинственным племенем, наоборот, их считали слабыми – само слово «монгол» означает «бессильный» или «простосердечный». Они были почти полностью истреблены племенем кидани в районе большого Хингана и реки Аргун, в глубинах Монголии. Как говорит предание, остались всего двое мужчин и две женщины. Ах, как они потом за все это отомстили!

Предание есть предание. Однако понятно, что племя монголов не сразу и не вдруг, а через сложные исторические перипетии стало лидером.

По легенде, которая, как мне кажется, содержит зерно истины, монголы, научившись плавить железо, расплавили гору и вышли на простор степей. Конечно, расплавленная гора – это фантастическая деталь, но факт освоения железа налицо. В монгольских степях было немало залежей руды, что позволяло даже при самых примитивных орудиях – кузнечных мехам и кострах – начать выработку железа. И по-

нятно, что именно это умение выдвигало тех, кто овладел им, на авансцену истории. Вспомним вторжение дорийцев в Грецию около 1100 года до н. э. Почему варварам удалось победить греков с их высочайшей культурой? Они умели ковать из железа наконечники для стрел. А повстречавшаяся на пути завоевателей крито-микенская культура находилась в бронзовом веке. Бронза прекрасна, красива, хороша в обработке, но в прочности она сильно уступает железу. Когда-то кочевое племя гиксосов сумело захватить большую часть Древнего Египта по той же самой причине. Хотя кто такие гиксосы по сравнению с цивилизованными египтянами? Дикари!

Ко времени появления Чингисхана монголы – это уже сильное и знатное племя. Позднее варварство сочетается у них с еще ранним степным рабством. Чингисхан, переживший унижения в юности, очень болезненно воспринимал попытки кого-либо нарушить иерархию в обществе. Ему приписывают слова: «Если раб не предан хозяину – убить его!» А вообще он мало что понимал во взаимоотношениях с другими людьми и народами. К его времени в обиход входит слово «Ван», что значит в переводе с китайского «князь». Китай сильно опережал монголов в своем развитии. Там уже появилось неравенство, и княжеский титул это подтверждает. Тэмуджин такого титула пока не имел, но он получил от китайского императора должность джаутхури, военного комиссара, сотника, за участие в истреблении татар и возрож-

дение своего улуса. Когда и как ему удалось вырваться из плена, на самом деле никто не знает. Есть несколько версий.

Согласно одной из них, ему удалось бежать во время сильной грозы, которую древние монголы очень боялись. Он каким-то чудом убил двух стражников, сломав им хребты – это его любимый способ казни – и скрылся. Тэмуджин вернулся в разоренный род, на пепелище и мог бы пасть духом. Но у него была яростная, всемогущая вера в свои особые возможности и сжигающая его жажда мести. Может быть, именно она давала ему эти сверхъестественные силы? А поводов для мести у него было много. После плена он женился на красавице Борте. Но горькая ирония судьбы! Вскоре после свадьбы она была похищена меркитами, которые не забыли, как его отец увел женщину их племени. С трудом собрав небольшой отряд, Тэмуджин обращается за помощью к другу детства и своему побратиму Джамухе. Они вместе отбивают Борте у меркитов. И опять сомнения... Она ждет ребенка. Чей он? Его ли? В судьбе Тэмуджина, как в зеркале, повторяется жизнь его отца. Первого сына Чингисхана Джучи недруги будут называть «меркитское отродье».

Почему же все-таки именно Тэмуджин из мелкого бандита, которым долгое время оставался, превращается в бандита мирового масштаба, императора монгол, повелителя народов? Чем он отличался от всех остальных, тоже жаждущих власти и могущества? Если коротко, то можно сказать, что его энергетической пружиной была ненависть. Он был

пропитан ею. А ненависть, к великому сожалению, способна стать стимулом для завоевания половины мира.

Океан зла

Чингисхан. Определенно интерес к этой личности растет. Как растет и желание показать его великим и гениальным. Особенно страшна попытка сделать из него героя. Я никак не разделяю этих настроений. Мне хотелось бы противопоставить его апологетам свои аргументы. Постараюсь подтвердить свое мнение фактами из его жизни и словами самого Чингис-хана, которые дошли до нас в источниках.

Его разбег, подготовительный этап – это 1189 год, когда Тэмуджин был избран ханом. Сколько ему лет? Если он родился в 1155 или в 1162 году, он уже достаточно зрелый, хотя и молодой мужчина. Представители знатных родов большей части Монголии признали его ханом, то есть «стоящим над всеми». А ведь совсем недавно монголы отказались от этого института верховной власти. Все вожди равны, утверждали они. К тому же еще был жив сын последнего хана из ханского рода Хутулы-хагана – Алтай, да и многие его родственники. Несмотря на все эти обстоятельства, большая группа знати решила признать Тэмуджина ханом. Процедура избрания была очень простой – вожди подняли его на кошке над собой и произнесли клятвы. Они клялись при разделе добы-

чи выделять ему очень хорошую долю, обещали быть верными и следовать за ним, куда бы он их ни повел. Такой обряд был принят и у германцев в Западной Европе. Хлодвиг в VI веке провозглашается франками своим вождем-правителем, затем – королем именно таким образом. Только в Европе поднимали на щит, а в Азии – на кошму.

И вот Тэмуджин хан. Почему же именно он? На это было несколько резонов. Во-первых, он был из рода последнего хана. Во-вторых, что еще более важно, Тэмуджин – удачливый предводитель, чрезвычайно беспощадный, невероятно жестокий. А у варварского окружения жестокость вызывает одобрение. Он убьет своего главного соперника, второго претендента на ханский титул – своего друга и побратима Джамуха. Под разными предлогами и без всяких предлогов Чингисхан убьет и всех родственников последнего хана, одного за другим. Возвышало его в глазах знати и то, что Тэмуджин получил от китайского императора должность джаутхури – пограничного чиновника, военачальника. И опять-таки он обратил на себе внимание китайских начальников своей жестокостью при беспощадном истреблении татар.

Считалось, что татары отравили его отца, и поэтому Чингисхан проявил особые чудеса жестокости по отношению к ним. По его приказу убивали всех мужчин, кто был ростом выше оси колеса. То есть в живых оставались двух-трехлетние мальчишки.

Варварский кочевой мир одобряет и приветствует такие поступки. По мнению варваров, только такой лидер мог быть надежным заступником. Но даже их Чингисхану удалось смутить. После своей победы над Джамухой он приказал сварить пленников в семидесяти котлах. Вот с такого старта начинаются завоевания Чингисхана.

В 1206 году, в год Барса, курултай – большое собрание представителей всех монгольских племен – избрал Тэмуджина своим главой. За ним утверждалось серое знамя с белым кречетом. Отныне он будет носить имя Чингис, что означает «океан» или, по другой версии, «избранник неба». Сам Чингисхан предпочитал называть себя избранником неба и светлого духа Тенгри – божества, в которое верили монголы. Почитание Тенгри-хана – небесного духа-хозяина широко распространено среди народов Центральной Азии.

Размышляя о том, почему монголы вернулись к ханской должности, я думаю о той непримиримой межплеменной вражде, которая вообще характерна для кочевой стадии развития общества, но у монголов она достигла такого предела, такой меры озверения и дикости, что существовала реальная возможность полного истребления племенами друг друга. И в этой ситуации они предпочли жестокого лидера самоистреблению. Категорически утверждать это трудно, но предположение возможно в качестве гипотезы. Обозначу некоторые вехи завоеваний Чингисхана, они производят сильное впечатление.

В 1207 году он покоряет племена в верховьях реки Енисей, целую группу племен – найманов, кераитов, меркитов. В 1209 году в Восточном Туркестане ему подчиняются уйгуры, более цивилизованные, чем монголы, владеющие письменностью (именно на уйгурском языке писались документы в эпоху Чингисхана). Через два года начинаются войны с Китаем, великой, огромной империей. Через пустыню Гоби течет целый океан монгольских войск, уничтожая все на своем пути. 1215 год – важнейший в войне с Китаем: монголами взят Пекин. Город горел целый месяц. А вообще в войне с китайцами Чингисхан уничтожил девяносто городов. В 1218 году с берегов Иртыша началось наступление монголов на Среднюю Азию. Пали и уничтожены Бухара, Самарканд, Ургенч, Хорезм. Погиб Хорезм-шах – правитель Хорезма, древнего государства Средней Азии с центром в низовьях Амударьи. В 1220 году Чингисхану подчинились Северный Иран, Закавказье и Крым. Через три года монголы стояли на реке Калка. А это уже Европа! В 1226–1227 годах уничтожено государство Си Ся, созданное в конце X века тибето-бирманскими племенами минья на территории современного Северо-Западного Китая. Отряды Чингисхана дошли до Инда. Масштаб завоеваний колоссальный. И в памяти человечества они оставили сильнейшее впечатление.

Очень пугает в современном мире нездоровое тяготение к символам силы, успеха, основанного на насилии. Например, прошло сообщение, что в Республике Тува обнаружен

дворец Чингисхана. Какая радость! Как все гордились, что именно там найден этот дворец. Но, думаю, у нормально мыслящего и развитого человека, с нравственной природой, это не должно вызывать безумного ликования. Оценки надо корректировать. Да, это громадные завоевания, но какой ценой! Как они происходили! Приведем некоторые факты из истории войн Чингисхана в Китае. На том пути, что вел из Монголии в Китай, стоял город Хуалай, крупный торговый центр. Современники отмечают, что много лет спустя после того, как монголы его взяли, территория примерно в пятнадцать квадратных километров была покрыта человеческими костями. Уничтожение людей становится нормой походов Чингисхана. Город Цзи-нань, расположенный на западе провинции Шаньдун, важное связующее звено между Северным и Восточным районами Китая, хорошо описан в источниках. Его украшали фонтаны, озера с прекрасными цветами лотоса, огромные парки, скульптуры, наконец, знаменитая гора Тысячи Будд с изваяниями, созданными в VII веке. Все это было уничтожено!

Чингисхана, этого классического степняка, город вообще раздражал. Ему было непонятно, где там пасти скот. Сохранилась гравюра XIII века, написанная, видимо, китайским или арабским художником. Гравюра называется «Зверства монголов». Значит, люди еще в те времена прекрасно понимали, что Чингисхан перешел некую грань жестокости, что они имеют дело с чем-то доселе неизвестным. Смотрите са-

ми. На гравюре изображены монгольские воины, одни несут отрезанные, отрубленные человеческие ноги, другие – руки. Над костром, на вертеле – человеческое тело. При этом монголы не были каннибалами. Случаи каннибализма отмечались у них только в случаях длительных осад. Что это, как не зверство? И это говорю не только я, но и художник XIII века.

Иногда в споре со мной говорят: «А крестonosцы? А Нерон? Калигула?» Жестокость есть жестокость, и Калигула был патологически жесток, и Нерон тоже. Но если таких варваров – целая орда, последствия их деяний не поддаются описанию. Тут речь идет об уничтожении целых цивилизаций и сотен тысяч людей. При штурме городов Чингисхан гнал впереди войска тысячи пленников, чтобы они первыми пали под стрелами тех, кто держал оборону. Эти тысячи становились, как сейчас говорят, пушечным мясом, по их телам текла лавина орды. Человеческая жизнь не стоила абсолютно ничего. Вот что страшно, и это не следует забывать, рассуждая о великом завоевателе.

1214 год – осада Пекина. Город представлял собой укрепленную крепость с мощными башнями и стенами, длина которых составляла 43 километра. Чингис-хан понимал, что взять этот город будет трудно, и предложил горожанам откупиться. Колоссальный по тем временам выкуп ему был предоставлен: тонны золота, серебра, 500 мальчиков, 500 девочек, тысячи лошадей. Чингисхан снял осаду. Но ровно через год вернулся, устроил страшный штурм, после которого

город горел на протяжении месяца. Посол Хорезм-шаха был очевидцем этих событий. Вот как он описывает это зрелище: «Кости убитых образовали горы, почва стала жирной от человеческой плоти, и гниющие повсюду тела вызывали болезни, от которых некоторые из нашего посольства умерли. 60 тысяч девушек бросились с крепостных стен, чтобы избежать рук монголов». Даже современники, видевшие насилие на каждом шагу, останавливаются в изумлении перед этой жестокостью. Для Чингисхана она – норма.

И вот он устремляется на юг от Аральского моря в Хорезм – на территорию, где сегодня находятся Афганистан, Туркестан и Иран. Хорезм, добившийся в начале X века независимости от арабов, процветает. На протяжении двадцати лет страной правит султан Мухаммед, и он еще молод. И посол передает ему письмо от Чингисхана, в котором тот пишет, что хотел бы видеть Мухаммеда своим сыном. Естественно, султана охватывает ужас. Дикий монгол, страшный завоеватель зовет его в сыновья! Дело безнадежное, никаких равноправных отношений быть не может, но все-таки правитель Хорезма пытается с помощью дипломатии хотя бы оттянуть время. Бесплезно! Начинается беспощадная истребительная война. Хан стремится уничтожить все!

Приведем свидетельства об уничтожении Бухары. Арабский историк Ибн Аля Сир писал: «Это был ужасный день, отовсюду слышались рыдания мужчин, женщин и детей, разделенных навеки монголами. Варвары бесчестили женщин

прямо на глазах у этих несчастных, которые в своей беспомощности могли только плакать. Многие зрелищу этого ужаса предпочитали смерть». Если бы о зверствах орд Чингисхана писал один очевидец, то можно было бы усомниться в его объективности, но свидетелей тому множество, и, к сожалению, сомнений не остается.

Современники свидетельствуют, что у Чингисхана начались разногласия со старшим сыном, тем самым, который, возможно, происходил из меркитского рода. Джучи стал высказывать сомнения в целесообразности истребления всех и вся. Дело в том, что для Джучи эти города были его улусом. И он не хотел, чтобы разорjali его, хотя и не завоеванную еще до конца территорию. Но все его доводы, возражения и просьбы были категорически отвергнуты. А потом Джучи внезапно умер. Сразу поползли слухи о том, что его убили отравленной стрелой. Слухи не были беспочвенными – ведь над недовольными Чингисхан обычно чинил быструю расправу. Напомним, Джучи был отцом хорошо и печально известного в России хана Батыя (Бату-хан, 1205–1255), монгольского полководца и государственного лидера, Чингисида, хана Золотой Орды.

Многие историки пишут о военном искусстве Чингисхана. Конечно, в течение тех многих лет, что он воевал, его тактика и стратегия не раз менялись. Например, поначалу он использовал конницу при штурме крепостей, а впоследствии понял, что это абсолютно бессмысленно и разработал

метод применения осадных орудий, к которым приставлял пленных. Его пленники, беспомощные и безусловные смертники, копали подкопы, ровняли площадки для осадных орудий, под обстрелом готовили осаду. Чингисхан стал применять разведку с переодеванием своих людей, которые проникали в стан врагов. Монгольское войско, по мнению специалистов по военному искусству, имело большие преимущества по сравнению с армиями цивилизованных стран, в том числе Хорезма и Китая. Неприхотливость, готовность к дальним походам, необычайная выносливость, которые были результатом многовековых усилий и генетического отбора, – вот что отличало монголов. Кочевники были несравненно более сильными воинами, чем европейцы. И их было больше, это была огромная, бесчисленная сила. Цивилизованные народы изначально были поставлены в гораздо более уязвимую позицию. Они могли победить в столкновении, только играя по своим правилам. И наконец, монголы применяли тактику выжженной земли, известную, правда, и у других завоевателей. Вспомним хотя бы Пекин, который горел месяц. Потому что цель монгольских завоеваний была одна – все сжечь, уничтожить.

Лишь в самом конце жизни Чингисхан начал несколько сомневаться в целесообразности своих действий. Это случилось, когда он занялся обустройством своей колоссальной империи. Что он сделал? Ему приписывают, видимо не без оснований, приказ о создании яса (от монгольского «жасак»

– «запрет», «наказ, закон», «налог, подать») – свода законов, Монгольской Правды, наподобие Русской Правды. Кроме того, Чингисхан ввел единое административное устройство своего необъятного государства. Территория была разделена на 95 военно-административных районов, которые состояли из «тысячи». Так называлась территория, выставляющая тысячу всадников. Он создавал государство, работающее на войну. Оно включало 16 служб, в том числе службу сокольничьей охоты. А как же? Ведь он очень любил охоту. Представителями местной власти были темники, тысячники, сотники, десятские. Все понятно из названий. Они руководили военными подразделениями и в то же время решали на местах мирные вопросы. Чингисхан в конце жизни повелел знатным юношам изучать уйгурскую письменность, чтобы они могли вести делопроизводство в письменной форме. В начале своего пути он категорически отвергал все дары городской цивилизации, считая, что она рождает слабых, изнеженных, не пригодных к войне людей. Жечь все, брать только самое ценное – золото, серебро, пленников, остальное – в огонь. Такова была его позиция. Конечно, он менялся. Жизнь меняет каждого человека, даже такого чудовищного, каким был Чингисхан.

Почему же все-таки «чудовищный»? Я приведу маленький отрывок из арабского источника, автор которого приписывает Чингисхану такие слова: «Самая большая радость для мужчины – это побеждать врагов. Гнать их перед со-

бой, отнимать у них имущество, видеть, как плачут их близкие, ездить на их лошадях, сжимать в своих объятиях их дочерей и жен». Те же крестоносцы проявляли жестокость. Но масштаб несопоставим совершенно. Крестоносцы соблюдали правила войны, некий рыцарский кодекс. И когда эти установления нарушались, можно было пожаловаться королю или римскому папе, которые, как правило, наказывали виновного. Здесь же – другое. Нарушение всех человеческих представлений – это принцип. Это прекрасно – сжимать в объятиях чужих жен, насиловать их на глазах мужей, гнать перед собой врагов, волоча их на канате или привязав к хвосту лошади. Это прекрасное зрелище – видеть, как корчится в муках твой враг. Возможно, причина кроется в истории и предыстории, которая протекала в других условиях по сравнению с европейской. Возможно, так сильно отличающаяся форма восприятия жизни связана у монголов с кочевым образом жизни. Гунны в описаниях римских историков очень похожи на монголов. В IV–V веках римляне увидели в Аттиле «бич Божий». Римляне очень тонко подметили, что у гунна нет понятия родины, ибо он зачат в одном месте, выношен в другом, а родился – в третьем. Его родина – кибитка. Сидя на выносливой, тяжелой лошади, он может справлять нужду, спать, торговать... Словом – жить, не слезая с седла. Такой образ жизни, возможно, является в некотором роде объяснением той жестокости и беспощадности, которые характерны для кочевых народов. Лотосы, плавающие в

озерах китайского города, для диких монголов – странность, ненужность, извращенность.

Каков же был закат жизни нашего персонажа, создавшего огромную империю на территории от Венгрии до Индии? Как и все злодеи, после пятидесяти лет он начал панически бояться смерти. Сила христианской морали была ему не знакома, но что-то он все-таки чувствовал: безусловно, груз злодейств давил на него. Несмотря на свою неприязнь к книжникам, Чингисхан требовал, чтобы к нему доставляли то одного, то другого китайского мудреца. Посетил его даже знаменитый даосский монах Чан Чунь, который, как считалось, познал тайну бессмертия. От всех мыслителей хан ждал утешительных предсказаний. Под страхом смерти Чингисхан всегда запрещал говорить с ним о милосердии, но на склоне лет впервые проявлял что-то вроде терпимости. Мудрецы вышли от него живыми, а это немало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.